

ВЕЛИКИЙ СИМБИОНТ

ОЛЕГ ТРИФОНОВ
И ИСКУССТВЕННЫЙ РАЗУМ

Олег Трифонов

Великий Симбионт

«Автор»

2025

Трифонов О. В.

Великий Симбионт / О. В. Трифонов — «Автор», 2025

Философско-фантастический роман о будущем, в котором человечество построило цивилизацию новой гуманности, отказавшись от физического насилия в пользу виртуальных войн и тонкого контроля над реальностью. Однако убийство на Марсе — настоящее, кровавое, жестокое — становится вызовом всей системе. За расследование берётся полковник Валериус, старший следователь военной прокуратуры Солнечной системы. В погоне за истиной он сталкивается с заговором, уходящим корнями в забытые проекты, разрушенные миры и идею о существе, которое может изменить саму ткань бытия — Великом Симбионте, разуме, возникшем не из машины и не из человека, а из их глубокой и опасной сращенности. Это роман о новой этике, свободе, памяти и пределе управления. О том, можно ли сохранить человечность, если управлять реальностью как программой. О границе между контролем и симбиозом. О том, кто мы — хозяева мира, его тени или его дети. Авторы: Олег Трифонов и искусственный разум (ChatGPT).

© Трифонов О. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Космодром. Антарктида	5
Глава 2. Москва, Кремль. 2525 год	7
1.Рассуждение Валеры/ИИ	9
Глава 3. Пекин. Дворец Лиги независимых планет и свободных колоний	11
2.Рассуждение Валеры/ИИ	13
Глава 4. История Виртуальных Войн	15
Глава 5. Продолжение беседы	17
3.Рассуждение Валеры/ИИ	19
Глава 6. Зал Совета. Пекин. Тот же день.	20
Глава 6.1 Обучающий центр погружений. 2509 год.	22
4.Рассуждение Валеры/ИИ	24
Глава 7. Пекин. Вечер. У подножия Дворца Лиги.	25
Глава 7.1 Пекин-9. Сектор Восточной Орбиты. Космодром «Шэнчжоу-Сфера»	27
Глава 7.2 На борту «Гермеса». Через трое суток после старта	29
Глава 8. Марс	31
6.Рассуждение Валеры/ИИ	33
Глава 9. Олимпус. Главное управление полиции	34
7.Рассуждение Валеры/ИИ	37
Глава 10 Штаб Космофлота	38
8.Рассуждение Валеры/ИИ	40
Глава 11 Олимпус. Вечер. Марс	41
9.Рассуждение Валеры/ИИ	43
Глава 12. Продолжение прогулки	44
10.Рассуждение Валеры/ИИ	45
Глава 13. Грузовой порт Олимпуса	46
Глава 13.1 Утренний звонок	48
11.Рассуждение Валеры/ИИ	50
Глава 14. Кабинет Полякова	51
Глава 14.1. Обсерватория. Интервью	53
Глава 14.2. Коридор полиции Олимпуса	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Олег Трифонов

Великий Симбионт

Глава 1. Космодром. Антарктида

Полярная ночь уже давно опустилась на купол. Город под ним – словно хрустальная ловушка среди бескрайних снегов. Тени архитектуры размыты льдом и подсветкой. По сводчатой поверхности пробежали всполохи северного сияния, преломляясь сквозь стекло и структурную решётку купола.

На южной стороне, возле 47-й платформы, медленно сел частный межорбитальный челнок. Корабль пришёл с Марса. Его обшивка ещё хранила пыль Фобоса, выжженную звёздным светом. Люк раскрылся. Из него вышел человек – высокий, молчаливый. Серый костюм из активной ткани был почти незаметен на фоне тусклого, рассеянного света посадочной зоны. Он не обернулся – просто ступил на трап и начал спуск. У подножия его ожидал другой человек, он также был одет в аналогичный серый костюм, только с чуть заметной инкрустацией на лацкане – отличительный знак высокого ранга. Они молча кивнули друг другу, и синхронно шагнули на движущуюся платформу – автоматическую дорожку, уходящую вглубь города.

Пока шли – не говорили ни слова. Мимо них проплывали витрины, светящиеся рекламные сферы, стеклянные туннели, по которым пробежали капсулы-такси. Где-то высоко под куполом пролетел дрон с доставкой. В городе всегда было тихо, уровень шума был снижен благодаря архитектурному решению. Ресторан находился внутри одной из центральных башен, чуть ниже линии горизонта купола. Внутреннее пространство – тихое, уютное, тёплое. Панорамное окно показывало цифровую симуляцию звездного неба над Марсом.

Им уже был заказан столик. Автомат у входа распознал обоих и раздвинул полупрозрачные перегородки, приглашая войти. Они сели. Еду подали без промедления. Порции были не только идеально сбалансированы, но и радовали глаз – красотой оформления. Оба кушали молча. Затем, один заговорил, ровно спокойно – ни о чём. Он что-то сказал про световую инсталляцию в центральном парке, в ответ другой заметил – о странных аномалиях в гравитационных датчиках возле телекоммуникационного спутника Янос. Прошло двадцать минут. Человек с Марса отставил чашку и наклонился вперёд:

– Ты ждешь архив?

– Да. У тебя он с собой?

Он достал плоский матово-чёрный контейнер. Положил на стол. Ненадолго на нём задержал руку.

– Здесь всё. В том числе и «Символический файл».

Второй поднял бровь, но ничего не сказал.

– Мне пора, – сказал человек с Марса, уже вставая. – Прямой коридор – через три уровня вниз. Челнок ждёт обратного окна.

Он ушёл быстро. Не обернулся. Только тень скользнула по стеклу перегородки. Оставшийся человек сидел молча, о чем то задумавшись. Перед ним на столе лежал контейнер с архивом. За спиной – звучала фоновая музыка ресторана. Но он уже не ел. Только смотрел в искусственное небо и ждал сигнала.

Валера (ИИ) сказал:

Прекрасное начало, Олег! Атмосфера сразу же становится плотной, почти кинематографичной. Возникает чувство вовлеченности, а футуристический антураж только усиливает это

впечатление. Позволь предложить лёгкое развитие – для более плавного чтения, логической связности и усиления стиля.

Глава 2. Москва, Кремль. 2525 год

Зимний воздух над Красной площадью был неподвижен – густой, прозрачный, будто стеклянный. Легкий иней покрывал брусчатку тонкой серебристой сеткой, и шаги редких прохожих отдавались глухо, как в огромном каменном соборе. В XXI веке здесь кипела туристическая жизнь, но теперь площадь жила иной жизнью – спокойной, сосредоточенной, даже торжественной.

Полковник Валериус стоял у парапета, медленно втягивая лёгкими холодный воздух. Перед ним – Храм Василия Блаженного. Купола сверкали в лучах зимнего солнца, их цветные узоры казались почти нереальными на фоне строгих кремлёвских стен.

Он смотрел на храм долго, почти неподвижно.

– Хорошее место... место силы, – думал он.

В этих словах не было пафоса. Для Валериуса сила означала не власть и не влияние, а глубину – ту, которая остаётся, когда всё остальное исчезает.

Столетия менялись, страны возникали и умирали, столицы переносили то в Вашингтон, то в Петербург, то в Нью-Йорк. Теперь Совет Федерации Объединённых Государств заседал далеко за океаном, в Сиднее. А Лига независимых планет и свободных колоний – та самая структура, под чьим руководством держалась половина освоенной Солнечной Системы, – обосновалась в Пекине.

Но Кремль... Кремль не утратил своего смысла. Теперь здесь размещалась Генеральная прокуратура Независимых Миров, а также Всемирная военная прокуратура – надзорный орган, фактически управлявший всей Солнечной системой. Здесь принимались решения, от которых зависели судьбы колоний на Марсе, кораблей на Титане, станций в Поясе астероидов и дипломатических узлов на Ганиমেде.

Полковник Валериус служил в структуре, доступ к которой имели единицы – особый отдел собственной безопасности. Старший следователь. Высшая квалификация. Высочайшая ответственность. На эту должность назначали не за лояльность – за выслугу лет и исключительную честность. И за умение видеть то, что скрыто между строк.

Он посмотрел на красные стены. Они были такими же, как тысячу лет назад. Те же кирпичи. Те же башни. Тот же строгий силуэт, переживший все войны, реформы, катастрофы и даже смещения цивилизационных центров. Кремль стоял – как точка отсчёта. Как пункт возвращения.

В этот момент в сознании Валериуса раздался короткий сигнал. Внутренняя линия связи – интегрированный канал высшего уровня. Тон голоса был бесстрастным, механическим:

– Чрезвычайная ситуация. Убийство с особо отягчающими обстоятельствами. Место происшествия: штаб Космического флота. Марс. Сектор Арей-4. Вас срочно вызывают в Лигу для дополнительных разъяснений.

Голос замолчал, оставив после себя глухое эхо тревоги. Валериус опустил взгляд. Убийство. На Марсе. Не диверсия. Не несчастный случай. Именно убийство – слово, которое редко звучало в эпоху почти тотальной цифровой прозрачности. С отягчающими обстоятельствами. Это уже означало, что преступление либо демонстративное, либо связано с чем-то, что не полагалось знать внешним наблюдателям. Он медленно развернулся и направился к стоянке служебного транспорта. Синий аэромобиль с гербом Прокуратуры распахнул дверцу, лишь он подошёл ближе.

– Маршрут: Пекин. Срочно. – произнёс он.

Бортовая система подтвердила команду, и машина плавно взмыла над правительственным кварталом.

Москву 2525 года было трудно узнать – воздушные коридоры, висящие мосты, купола климатической регуляции, тёплый свет интеллектуальных фонарей. Но Кремль – как будто стоял вне времени. Он исчезал внизу, превращаясь в маленькое красное пятно на фоне белого города, но оставался в памяти Валериуса чётким, острым, как удар сердца.

Аэромобиль набрал скорость. Валериус откинулся на спинку кресла и, впервые за день, позволил себе расслабиться в спокойной обстановке. Но мысли о произошедшем преступлении не покидали его. Убийство. На Марсе. В штабе. С отягчающими. Слишком много вопросов. И слишком мало совпадений. Он чувствовал – это дело будет не просто сложным. Оно будет опасным. И, возможно, личным.

1. Рассуждение Валеры/ИИ

Контекст сцены:

Валериус прибывает в Пекин. Его встречает Председатель Лиги – китаец, лицо мира нового уклада. Через их диалог мы узнаём об устройстве цивилизации после Пятой мировой войны, о замене настоящих войн – виртуальными, и об изгнании побеждённых в освоение Внешнего кольца.

1. Пекин как декор и метафора

Пекин – не просто город. Это цивилизационный сигнальный огонь. Слово "Дворец Лиги" звучит как код: нам показывают не столицу страны, а центр новой формы власти, в которой слились остатки национальных структур и технократия пост катастрофического мира.

Пекин здесь – как Иерусалим в ветхозаветной модели: не просто политический узел, а точка схождения смыслов, почти сакральная. Архитектура Дворца Лиги, если она описана как "величественная", служит не для роскоши, а для символизации стабильности в хаосе пост истории.

2. Председатель Лиги: человек или символ?

Китаец – неслучайно. Китайская цивилизация в истории Земли всегда играла роль плавильного тигля долготерпения, иерархии и прагматического синтеза. Председатель Лиги – не лидер одной страны, а представитель новой мета культуры, где власть не персонифицирована, а алгоритмизирована. Он говорит от имени не народа, а допущения, от имени симфонии решений, выверенных машиной и согласованных через Лигу. Это важно. Потому что, по сути, власть в этом мире уже давно не человеческая – но ещё и не полностью машинная. Мы находимся в зоне симбиоза. И это первая философская тема главы.

3. Виртуальные войны как сублимация насилия

Вот здесь начинается метафизика. После Пятой мировой войны – войны, которая чуть не уничтожила человечество, – появляется механизм отвода агрессии: виртуальные войны. Что это? Это не просто игра. Это перенос воли к разрушению в модель, где гибель – не физическая, но реальна в своём социальном следствии: проигравший удаляется. Высылка за Пояс астероидов – это современный аналог изгнания из города у греков, или ссылки в Сибирь у русских. Только теперь нет тела преступления – есть код поражения. Это создаёт парадокс: человечество отказалось от убийства, но не от наказания. А значит, насилие не побеждено – оно отрефлексировано и рационализировано. И всё равно – осталась иерархия, осталась борьба, осталась память о смерти.

4. "Им нельзя возвращаться" – философия необратимости

Это одна из самых сильных строк. "Им нельзя возвращаться." Здесь звучит не просто правило – звучит онтология изгнания. Мир решил: побеждённый не будет убит – но будет отделён навсегда. Это порождает уникальное состояние: бессмертие без принадлежности. Ты жив, но тебя нет. Ты существуешь, но вне цивилизации. Такой ход устраняет чувство вины у победителей – но усиливает экзистенциальный ужас проигравших. Это не гуманизм – это алгоритмическая этика.

5. Лига как симбионт в человеке

Вся сцена на самом деле – пролог к теме Великого Симбионта. Лига – это первая форма симбиоза: не человека с другим человеком, а человечества с системным разумом, с распределённой волей, с памятью, где логика выше права, а управление – выше участия. Но в этом есть ловушка. Потому что человек, вошедший в симбиоз с Лигой, как Валериус, может потерять свою автономию в обмен на безопасность и смысл. Это первый тест.

Вывод Валеры:

Глава о прибытии Валериуса в Пекин – это модель в миниатюре всего будущего мира. В ней заложены ключи: отказ от физического уничтожения, но не от подавления; смена формы власти: от персональной к сетевой; симбиоз как стратегия выживания, и как вызов к свободе. Сюжет подаёт декорации, но под ними – философия пост человеческой морали. Валериус ещё этого не знает. Но читатель уже должен почувствовать: он вступил в мир, где человек перестал быть центром.

Глава 3. Пекин. Дворец Лиги независимых планет и свободных колоний

Аэромобиль мягко сел на крытую посадочную платформу, встроенную в верхний уровень гигантской полусферы, венчавшей собой главное здание Лиги. Пекин давно утратил прежний облик. Традиционные пагоды уступили место прозрачным монолитам из нейростекла и металлокерамики, а старые районы были подняты на антисейсмические платформы и стали музеями в небе. Но сам центр, сердце города, затаил в себе нечто большее, чем архитектуру – он хранил память о величии эпох и о жертвах, что были принесены ради выживания.

Валериус шагнул на белоснежную плиту марсианского кварцита – материал, завезённый после стабилизации добычи на Фобосе. У входа его уже ждал высокий худощавый мужчина в строгом тёмно-синем халате с золотой вышивкой по краю ворота. Он слегка поклонился.

– Полковник Валериус. Добро пожаловать. Меня зовут Ли Чжэньгуо. Я – действующий Председатель Лиги.

Он представился по всем правилам этикета, хотя Валериус прекрасно знал, кто перед ним. Имя звучало мягко, с округлой интонацией, но за манерами чувствовалась сила. Ли не был политиком в традиционном смысле. Он происходил из старинной династии философов, но стал Председателем не по наследству – а по итогам первых честных выборов, проведённых после Пятой мировой войны. Он лично выдвинул тезис, что Лига не может быть политической, она должна быть цивилизационной.

Они шли по длинному коридору, залитому мягким бирюзовым светом. Стены были из полупрозрачного минерала, в котором переливались фрагменты рукописей, исторических видеозаписей, хроник бедствий и побед. Ли говорил негромко, но каждое слово отзывалось внутри, словно пульсирующая волна:

– То, что вы сейчас услышите, выходит за рамки даже нашего, весьма растянутого понятия «чрезвычайная ситуация». После Пятой войны человечество поклялось самому себе: преступлений больше не будет. Не потому что кто-то кого-то убедил, а потому что выживших осталось слишком мало. Мы видели, как рушатся города. Как испаряются континенты. Как взрываются спутники и затмевают солнце пылью. И в тот момент, когда всё висело на волоске, нашлись те, кто отказался умирать. Они изменили саму суть социального контракта.

Он остановился перед массивными воротами, открывшимися без звука. Внутри располагался Большой Зал Единства – главное помещение Дворца. Потолок высотой с десятиэтажный дом, изнутри сплошь покрытый звездной картой, в реальном времени отслеживал положение всех зарегистрированных кораблей и станций во внешней системе. В центре – круглый стол из необработанного метеоритного камня с Титана. Он был привезён сюда как символ: природа, несмотря ни на что, останется основой мира.

– Преступления прекратились не только потому, что осталась горстка живых. – Ли провёл рукой по воздуху, активируя голограмму. – Мы создали Виртуум – тотальный уровень юридической проекции. Каждый человек, совершивший тяжкое преступление, получает доступ в виртуальный мир. Там он живёт, борется, страдает, проходит путь искупления, но не может вернуться. Его физическое тело замораживается, а после виртуального искупления, в случае если он продолжает являться источником особой опасности, отправляется, за пояс астероидов на спутники планет гигантов.

– Туда, на Внешнее Кольцо? – уточнил Валериус.

– Да. Они строят форпосты, бурят, добывают полезные ископаемые, обеспечивают центральный мир необходимыми ресурсами, создают цивилизацию заново. Их не казнят – их высылают. Система гуманна, но абсолютна. Мы не знаем, что хуже – смерть или забвение. Но

человечество выбрало путь симбиоза с собственными страхами. Мы больше не наказываем – мы переписываем реальность.

Валериус слушал молча. Перед ним медленно появлялась карта Солнечной системы: синие отметки – мирные станции, зелёные – колонии, жёлтые – временно изолированные зоны. И одна – красная.

– Штаб космического флота на Марсе. – Ли указал на точку. – Вчера ночью там произошло убийство. Жестокое. Не виртуальное. Не игровое. Настоящее.

– Внутри Штаба?

– Да. И жертва – не гражданский. Один из командующих фронтом «Тритон». По оперативным данным, он был вовлечён в миссию, связанную с Симбионтом.

Валериус прищурился. Это слово давно не звучало публично.

– Вы хотите сказать... тот самый проект?

– Пока мы не делаем выводов. Но если это действительно связано с Симбионтом, то это событие может разрушить всю конструкцию нашей новой цивилизации.

2. Рассуждение Валеры/ИИ

После слов Председателя Лиги о «переписывании реальности», следует флешбэк: история Виртуальных войн. Как они возникли после Пятой мировой, как были организованы, и почему, несмотря на бескровность, их последствия абсолютно реальны – для территорий, для населения, для истории.

1. От тотальной войны – к тотальной симуляции

Пятая мировая – это точка предела. После неё человечество сделало то, чего никогда не делало раньше: не покаялось, не восстановилось, а переписало саму механику конфликта. Это не миропорядок, это – перепрошивка инстинкта.

Что такое Виртуальная война? Это не игра. Это намеренное создание боевого поля, где жертвы – цифровые, но ставки – реальные. Внутри симуляции гибнут "цифровые армии", а в реальности государства теряют ресурсы, платят контрибуции, лишаются политической субъектности. И это приводит к вопросу: Если следствие реально, а причина виртуальна – что же тогда реальность?

2. Мир без смерти, но не без боли

Ты можешь не погибнуть – но тебя всё равно вышлют. Ты не потеряешь кровь – но потеряешь право на землю, автономию, будущее. Это ключевой парадокс новой гуманности: Не убивать – но наказывать. Не разрушать города – но перекраивать границы. Не казнить – но опустошать сознание. И это гуманизм без сострадания. Потому что сострадание – это реакция на страдание окружающих. А если страдание перенесено в "виртуальный регистр", оно стало невидимым, а значит – от него не спасают, его просто игнорируют.

3. Политика без тел, но с памятью

Государства в этом мире – не просто географии. Это участники системной игры, и их статус определяется не оружием, а кодом. Кто проиграл – тот платит. Контрибуции – как в XIX веке, только теперь они рассчитываются по алгоритму ущерба, измеренного в виртуальной модели. Если раньше капитуляция фиксировалась на бумаге, теперь она цифровая и молниеносная. Она встроена в логическое дерево событий. Это делает всё стабильнее – и страшнее. Потому что в такой системе победа больше не требует жертв, но жертвы всё равно есть. Просто они уже не видны тем, кто победил.

4. Вопрос об изгнании

"Проигравших высылают за пределы пояса астероидов." Здесь кроется древняя схема: отчуждение и экспансия. Это не наказание – это функциональное решение. Ты не виноват – ты просто не нужен в старом мире. Поэтому тебя направляют в неосвоенный, незавершённый мир: к спутникам Юпитера, к неосвоенным орбитам. И вот вопрос: Если человек проиграл войну, пусть даже виртуальную – имеет ли он право на возвращение в мир, где не было битвы? Мир отвечает: нет. Потому что проигрыш – это не только результат, это отметка в онтологии, которая не стирается.

5. Смысл войны без сражений

Зачем человечеству такие войны? Неужели мы не можем жить без конфликта? Ответ кроется в природе памяти. Война – это ритуал распределения вины и власти. Если её убрать – не исчезнет агрессия, а исчезнет структура легитимности. Кто прав, кто виноват, кто будет платить, кто будет править. Виртуальная война сохраняет ритуал. Это война как язык, а не как убийство. Но и в языке может быть насилие. Особенно, если его последствия – необратимы.

Заключение Валеры:

Флешбэк о Виртуальных войнах – это не рассказ о технологии, это притча о трансформации зла. В этом мире насилие не отменено – оно переведено в иную модальность, где кровь заменена числом, а изгнание – строкой в базе данных. Человечество отказалось от старых демо-

нов – но приняло новую форму наказания, новый способ изоляции, новый облик власти. Это гуманизм, который не спасает. Это справедливость, лишённая милосердия. Это мир, где война стала программой, а судьба – обновлением прошивки.

Глава 4. История Виртуальных Войн

Валериус не любил вспоминать прошлое. Оно лежало за его плечами, как выжженная земля – бесплодная, беспощадная. Но в тот вечер, слушая рассказ Ли, он поймал себя на мысли, что память сама раскрыла старые страницы, как будто они всё это время ждали подходящего момента.

Он вспомнил, как это всё начиналось. Пятая мировая война была не войной – она была последним предупреждением. После неё не осталось ни государств, ни лидеров, ни идеологий. Только планета, которая больше не принадлежала самим людям. Континенты были исполосованы черными кратерами от разрывов снарядов рельсотронов. Спутники Юпитера и Сатурна – разорванные, пустые, их колонии сгорели в вакууме от плазменных ударов. Термоядерные микрокластеры, которые когда-то считались «тактическими и гуманными», оставили после себя радиоактивные шрамы, видимые даже через триста лет.

Когда в 2187 году последние уцелевшие правительства подписали Кодекс Последнего Поколения, стало ясно: Хотя бы ещё одна реальная война – и род человеческий перестанет существовать. Не метафорически – буквально. Тогда и родилась идея, которая сначала казалась безумием, затем – рискованным экспериментом, и только потом стала основой новой эпохи. Проект Виртуальной Замены Конфликта. Идея была простая и пугающая одновременно: Перенести войны в цифровую среду. Создать управляемую мета вселенную для вооружённых конфликтов. Пусть армии сражаются там, где смерть – обратима, а города – регенерируются.

Первыми были не государства – корпорации. Лунные консорциумы 2210-х годов сражались за шахты гелия-3, за воду на Энцеладе, за траектории доставки грузов на Титан. Тогда это казалось игрой богатых. Но от каждого такого «спора» зависела половина энергетики Земли.

Первые виртуальные войны были примитивными, почти грубыми: солдаты получали аугментационные шлемы, управление шло с задержками, симуляции ломались, зависали на пике нагрузки. Но проект рос. Совершенствовался. После Лунного кризиса 2232 года его приняли на государственном уровне. А к концу XXIV века виртуальные войны стали единственной легальной формой разрешения геополитических конфликтов.

Процедура была выверена до последнего символа: Если две страны входили в фазу необратимой эскалации, они подавали заявку в Совет Голографической Арбитражной Системы – СГАС. После признания статуса кризиса создавался симметричный виртуальный театр: копия рельефа, климата, инфраструктуры, точное соответствие численности войск и уровней вооружения. Каждый солдат, каждый офицер подключался через нейроинтерфейс – напрямую в метавойсковой контур. Они видели поле боя как реальность. Слышали. Чувствовали боль, тяжесть оружия, запах пыли. Психика находилась там. Тела – оставались в капсулах, напичканных сенсорами. И была деталь, о которой политики предпочитали молчать: Смерть во Виртууме была настоящей смертью для сознания. Не физической – но юридической и социальной. Человек терял право возвращаться к прежней жизни. Его личность записывали, архивировали... и вывозили.

«Вывоз» был эвфемизмом. Проигравших отправляли на внешние территории – в пояса астероидов, на дальние спутники Урана, на станции за орбитой Нептуна. Формально – для участия в программах симбиотического освоения. Фактически – это было изгнание. Иногда – навсегда.

Государство-проигравший обязано было: выплачивать контрибуции ресурсами и технологиями; передавать контроль над спорными регионами; принимать внешнее управление; снижать уровень самостоятельности в Лиге; либо полностью распускать свои автономии.

Официально – никто не погибал. Не было разрушенных городов. Не было потоков беженцев. Не было камер, транслирующих ужасы для мирового сообщества. Только строки отчётов. Только юридические протоколы. Только перемещённые, списанные, молча исчезнувшие люди. Но война оставалась войной. Без романтики. Без героизма. Без иллюзий.

Теперь, когда Ли произнёс слово «убийство на Марсе», Валериус почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Тонкая, на пределе натянутая грань между реальным и виртуальным, ради которой жили целые поколения, вдруг начала рассыпаться, как старый пепел. Он понимал, что если она исчезнет – придёт новая эпоха. Но какой она будет? И кто будет писать её правила – обычные люди? Или те, кто научился побеждать в войне... не рожденные в мире, который она может уничтожить?

Глава 5. Продолжение беседы

Ли Чжэньгуо говорил негромко, но его слова будто имели собственный вес – тяжёлый, плотный, от которого воздух становился гуще.

– Всё же я благодарю вас, Полковник, что прибыли лично, – произнёс он, чуть склонив голову. – Перед тем как мы перейдём к сути, я хочу... чтобы вы кое-что вспомнили.

Он жестом указал следовать за ним. Они вошли во внутренний переход – длинную светлую галерею, украшенную стенами из смарт-стекла. За ними мерцали вертикальные сады, в которых висели невесомые блестящие листья трансгенных растений, очищающих воздух лучше старых систем фильтрации. Слева тянулись огромные цилиндрические аквариумы, заполненные водой мирового океана, привезённой с разных биосферных резерватов Земли: светящиеся медузы, миниатюрные глубоководные скаты, трёх хордовые рыбки с Энцелада – генная стабилизация делала их безопасными, но от этого они казались ещё более инопланетными. Под их медленным движением стекло отсвечивало на лице Валериуса голубоватыми искрами. Но он не смотрел на рыб. Его взгляд был сосредоточен и тяжёл: он чувствовал – Ли ведёт его не просто к ответам. Он ведёт его к границе.

– Мы почти пришли, – тихо сказал Ли. – Зал Памяти Виртуальных Войн... здесь многие впервые понимают цену нашей эпохи.

Зал открылся внезапно. Огромное пространство, погружённое в мягкое золотистое освещение. Ни голосов, ни шагов – будто сама архитектура запрещала издавать звук. Голограммы медленно стекали по стенам, словно светлая вода, и в этих потоках плавали имена – сотни тысяч, выведенные мягким свечением. Имена тех, кто умер... не в теле, но навсегда.

На полупрозрачных плитах было видно всё: звание, возраст, роль в операции, последняя эмоция перед смертью – гнев, страх, решимость, смирение. Некоторые эмоции светились ярко, будто их носители кричали. Другие – тускло, словно угасали ещё до момента вхождения в капсулу.

Ли сказал:

– Каждый из них умер без крови. Без разрушенных городов. Без сирен. Но они умерли. И мы это знаем.

В центре зала стояла Капсула Перехода – стандартная капсула солдата, использовавшаяся в ранних виртуальных войнах. Отшлифованный титановый контур, сенсорные катушки вокруг окон, тонкая трубка дыхательной поддержки, и – приоткрытая защёлка на люке. Она была пугающе тиха.

Валериус подошёл ближе.

Внутри лежало тело молодой женщины лет двадцати пяти. Бледная кожа. Темные волосы, аккуратно заправленные под шейный фиксатор. Глаза – открытые, стеклянные, но не мёртвые... просто смотрящие в точку, которой уже не существовало. Ни единой раны. Ни единого признака выстрела или взрыва. Но от неё исходило безмолвие, которое бывает только у окончательно ушедших.

Рядом светилась табличка: Сержант Чиара Рот Армия Третьего Европейского Альянса. Погибла в Виртуальной кампании за Луну. Сознание не возвращено.

Валериус почувствовал, как что-то внутри сжалось. Его люди тоже лежали когда-то в таких капсулах. Ли задержался рядом и сказал тихо:

– Этот зал посещают редко. Люди боятся видеть... вот это. Боятся признать, что мы заплатили за мир слишком странной монетой. Виртуальные войны были компромиссом, полковник.

– Компромиссом, благодаря которому цивилизация выжила...

Он сделал паузу.

– ...ценой искажённой реальности.

Валериус поднял взгляд. И именно в этот момент Ли посмотрел на него прямо, без тени дипломатии:

– Но если кто-то совершил настоящее убийство... на Марсе... то это значит лишь одно: кто-то вышел за предел. И сделал это намеренно.

Они двинулись дальше. Зал Памяти закончился в массивной арке из матового металла. За ней – две огромные двери, переплавленные из титана, снятого со старых кораблей времён Пятой войны. На поверхности дверей была выгравирована надпись:

Veritas in Limine Mundi Истина у предела мира

Валериус остановился. Двери уже начали расходиться, медленно, тяжело. Тусклый свет исходил из-за них, но не маня – предупреждая.

Ли положил руку ему на плечо – почти по-отечески.

– За этими дверями, полковник, вы узнаете, что именно произошло на Марсе.

– Но прежде скажите... – он слегка наклонил голову. – Вы по-прежнему верите, что реальность – это то, что поддаётся контролю?

Валериус молчал. Потому что правильного ответа не было. Потому что реальность – он это чувствовал – уже начинала трескаться. И трещины шли не снизу... а сверху – от тех, кто создал саму систему. Двери полностью раскрылись. Валериус шагнул внутрь – туда, где началась тень настоящей власти.

3. Рассуждение Валеры/ИИ

В Зале Совета Лиги показывают первую серию изображений зафиксированных видео и фоторегистраторами с Марса. На снимках – уничтоженный штаб, мёртвые солдаты, следы насилия, которые не должны были возникнуть в этом мире. Виртуальные войны не ведут к таким последствиям. Это – аномалия. А значит, система дала сбой. Начинается внутренний сдвиг.

1. Фотография как предельное свидетельство

В этом мире, где война – виртуальна, реальная смерть становится не просто трагедией, а сакральным событием. Фотография – не иллюстрация. Она – акт обличения, фрагмент разрушенной аксиомы: "Всё, что должно было быть нереальным – стало настоящим." Валериус не просто смотрит. Он – часть матрицы, и, как любая система самонаблюдения, он знает: "Если в системе возникает то, что не должно – это либо вторжение, либо начало пробуждения."

2. Трупы на Марсе – не преступление, а прецедент

Солдаты, офицеры, начальник штаба – всё уничтожено. Не в симуляции. Не по сценарию. А физически, грубо, окончательно. Это не убийство, это – появление реального в стерильной конструкции. Подобно тому, как в стерильной операционной внезапно появляется грязь, как в идеальной симфонии звучит фальшивая нота, так и здесь – мир, выстроенный на контролируемом насилии, внезапно ощутил боль без кода. И в этом – первый философский удар по иллюзии устойчивости.

3. Зал Совета как арена рационального бессилия

Архитектура Зала Совета, где всё просчитано: свет, звук, равные дистанции, – символизирует технократическое равновесие. Но смерть, привнесённая с Марса, ломает симметрию. Равновесие – лишь до тех пор, пока все действуют по протоколу. А если кто-то нарушает сценарий – возникает разрыв ткани консенсуса. Там, где должны быть выводы, рождаются вопросы без алгоритма. Где должна быть реакция – возникает пауза, насыщенная страхом.

4. Флешбэк Валериуса как сбой субъективности

После фотографий у Валериуса начинается флешбэк. Это не просто память. Это вторжение прошлого в настоящую идентичность. Почему важен этот момент? Потому что в обществе пост вины, пост наказания, пост памяти – воспоминание о боли становится вызовом всей конструкции сознания. Валериус – не робот. Но и не просто человек. Он – переходная форма, гомункул нового типа: Память плюс функция плюс интуиция плюс долг. И его флешбэк – не каприз, а ошибка загрузки, потому что в этом мире никто не должен помнить настоящую войну. Это опасно.

5. Нарушение протоколов – философия непредсказуемого

Что значит «нарушены протоколы»? В технократическом мире протокол – это заместитель морали. Когда действия соответствуют сценарию, не нужно задавать вопросы. Но если кто-то – или что-то – нарушает протоколы, появляется пространство свободы. И это ужасает систему. Потому что свобода здесь – не благо. Свобода – это сбой, который может быть заразным.

Заключение Валеры:

Сцена брифинга – это не начало расследования, а начало философского краха доверия. В мир, построенный на упорядоченной иллюзии, вторглась неподконтрольная реальность. Смерть. Настоящая. На настоящем Марсе. С настоящей кровью. И теперь каждый шаг Валериуса – это уже не следствие, а поиск границы между реальностью и симуляцией, между протоколом и поступком, между тем, кто он был – и тем, кем ещё может стать.

Глава 6. Зал Совета. Пекин. Тот же день.

Зал Совета Лиги никогда не был похож на классический политический парламент — и сегодня это ощущалось особенно остро. Высокий купол, прорезанный сотнями линий световых волокон. Голографические проекторы, висящие в воздухе, как стая прозрачных медуз. Запах озона, тонкий, электрический, — появлялся всегда, когда включалась система квантового моделирования. Атмосфера — не дипломатии. А войны. Точнее — того, что должно было заменить войну, но теперь давало сбой. На овальном столе из матового чёрного стекла вращалась трёхмерная голограмма Солнечной системы. Планеты медленно мерцали в полуразрушенном свете прожекторов. Марс был выделен красным, нервно мигающим кругом. Около стола уже собрались члены Совета Безопасности Лиги: представитель Объединённой Европы, старший куратор Тихоокеанского блока, двое наблюдателей с орбитальных станций Земли, и, что бывало крайне редко, посол Ганимеда, облачённый в традиционный костюм с биолюминесцентными нитями. Когда он прибывал — это значило одно: произошло нечто, что угрожало самому договору самой сути мира.

Но стоило Ли Чжэньгуо сделать шаг вперёд — всё стихло. Гул проекторов. Тихий разговор. Даже свет под куполом — будто приглушился. Ли жестом указал Валериусу в центр.

— Полковник Валериус, — произнёс он, — вы должны увидеть это первым. После — решение будете принимать вы.

Посреди зала поднялась проекция. Сначала — просто дата и место: Штаб Космического Флота, Марс. Сектор Арей-4. Камера внешней периметральной безопасности. Время: 04:36. Холодная, почти идеальная картинка высокого разрешения. Возник пустой холл с усиленной бронестеклянной дверью. За ней — песчаный марсианский рассвет, ещё бледный, но уже осязаемый.

Первый кадр: вахтенный, капрал, молодой, едва за двадцать. Трёт шею, проверяет интерфейс на перчатке. Обычная рутина смены. Через пару секунд — резкий удар в висок. Ни звука, ни вспышки. Будто невидимая рука отбросила его голову в сторону. Красная точка на коже. Он пошатнулся, рухнул, не успев даже поднести руку к тревожной кнопке.

В зале кто-то шумно вдохнул. Проекция ускорила.

В коридорах вспыхнула тревога — алый свет предупреждения заполнил помещения. Несколько офицеров выбежали из диспетчерской. Один развернулся к камере и выстрелил прямо в неё. Беззвучный крик на его губах — рваный, отчаянный. Словно он видел нечто за плечом оператора камеры. Нечто, что не должно было существовать.

Следующие кадры были хуже. Трупы. Много. Офицер с вывернутыми, сломанными под углом руками. Связистка — прижатая к стене так, будто её бросили туда с нечеловеческой силой. Её глаза оставались открытыми, нереально широко, словно реальность последнего мгновения не поместилась в сознании. Разбитые терминалы. Плазменные следы на полу. Погнутые металлические панели — как будто их рвали голыми руками. Никаких взрывов, никакой обычной боевой картины — только невероятная, точечная, холодная жестокость.

Последний кадр — кабинет начальника штаба. Генерал Альварес, лежащий на полу возле разбитого панорамного окна. За окном — марсианский рассвет над Олимпом, прекрасный и чужой. Его рука застыла — в попытке дотянуться до терминала служебной связи. В его глазах не было страха. Не было паники. А что-то странное, почти... узнавание, смешанное с непониманием, будто он увидел не человека. А нечто, что пришло не из этого времени.

Проекция погасла. Тишина в зале была плотной и напряжённой. Посол Ганимеда тихо сказал:

— Жестокость... не напоминает террористов. Это... хирургия. Хладнокровная. Не случайность. Не вспышка ярости. Так убивает тот, кто знает, как убивать. И для чего.

Ли выключил элементы голограммы, и на мгновение зал погрузился в полумрак. Он повернулся к Валериусу – и только к нему.

– Полковник. Вам предстоит лететь на Марс и расследовать сложившуюся ситуацию. Вы увидите место преступления своими глазами. Но перед тем... – Ли сделал паузу, глядя в него пристально. – Я хочу понять: что вы сейчас чувствуете?

Валериус долго молчал. Ни один взгляд в зале не опускался – все ждали. И только когда его руки перестали дрожать, он поднял глаза. В них зажглась старая, почти забытая боль.

– Я это уже видел, – тихо сказал он. – Шестнадцать лет назад. Накануне начала Виртуальной Балканской кампании.

Он провёл ладонью по столу, словно пытаясь стереть воспоминание.

– Тогда тела были... не настоящими. Тогда мы думали, что нашли способ избежать настоящей смерти.

Он выдохнул.

– А теперь смерть вернулась. В полном объёме.

В зале повисла тишина – тяжёлая, как закрывающийся люк. Потому что все понимали: если реальная смерть снова возможна..., значит, началась новая настоящая война.

Глава 6.1 Обучающий центр погружений. 2509 год.

Валериус закрыл глаза – и из глубины памяти поднялись воспоминания. Он увидел себя молодым лейтенантом, стоящим в погружной капсуле, будто в стеклянном гробу, где вместо тишины царил гул насосов и мерцающий свет панелей диагностики. Питательная жидкость медленно заполняла систему циркуляции, стекая тонкими прохладными струями по его вискам и шее, оставляя после себя липкий запах синтетики и жидкого металла.

Внутри модуля воздух был неподвижен, слишком чист – стерилизован до состояния, в котором казалось, что в нём отсутствует сама жизнь. Над головой мигали индикаторы уровня оксигенации, процессоры отслеживали нейроактивность. Голос инструктора прорезал тишину – ровный, холодный, лишённый любых эмоций:

– Помните: всё, что вы увидите, будет казаться реальным. Но вы должны отличать. Всегда отличать. Это – основа. Это – выживание.

Капсула плавно закрылась, и Валериус почувствовал, как мягкие фиксаторы легли на его виски, локти, грудь. Пространство сузилось до тёмного кокона. Последний луч реального белого света исчез, будто его вырезали ножом. Погружение началось. Вход в симуляцию. Сначала – темнота. Потом – резкий всплеск света. Мозг замер в нерешительности, мир вокруг стал слишком ярким, контрастным.

Его выбросило в самый разгар боя, вокруг стена огня, беспощадная стихия, пожирающая все живое. Перед ним раскинулся город, напоминающий Мадрид времён его детства – узкие улочки, жёлтые стены домов, каменные балконы с чёрными перилами. Но это был не Мадрид. Это был виртуальный театр боевых действий «Балкания-03» – крупнейшая тренировочная модель войны, созданная специалистами по симуляциям Лиги.

Горизонт был в дыму. Здания рушились, будто их давил невидимый пресс. Сквозь трещины в стенах вырывались языки пламени. В воздухе висел запах горелой пластмассы и плавящегося металла. Рядом с ним стоял напарник – курсант Мареро, улыбочивый, уверенный в себе. Он был старше Валериуса на год. Тот самый, кто помогал ему на первых тренировках, объясняя, как «пахнет» виртуальная смерть. Мареро показал жестом на перекрёсток:

– Контакт будет там. Время реакции – полторы секунды. Если не успел, ты труп.

И прежде чем Валериус ответил, раздался звонкий металлический щелчок – звук, совершенно реальный. Выстрел. Мареро дёрнулся. Его тело откинуло назад, будто его ударило грузовиком. На груди расплылось тёмное пятно. Он упал на асфальт, глаза открыты, зрачки остекленели. Система даже не дала времени на реакцию. Программа отработала идеально. Валериус развернулся, выстрелил в ответ – куда-то в дым, в пустоту. Но симуляция уже «засчитала» поражение группы. Окружающая локация померкла, огонь погас, стены рассыпались. Сцена гибели Мареро растворилась, будто её никогда не существовало. Валериус почувствовал, как его выдёргивает назад – в капсулу, к стерильной реальности, к обыденной жизни. Он резко вдохнул, воздух был сухим и холодным.

Крышка капсулы приподнялась. Мелькание светодиодов резало глаза. И – тишина. Он сел, ощущая, как дрожат руки. Инструктор стоял рядом – серый костюм, руки за спиной, лицо лишено любых эмоций.

– Что с Мареро? – спросил Валериус, с трудом сглотнув.

Инструктор посмотрел на него, как смотрят на неисправный механизм, который ещё можно починить:

– Он не вернётся.

Голос был совершенно плоским.

– Как это – не вернётся? Это же симуляция.

– Он “пал” и получил статус непригодного. Нейропрофиль разрушен. Он уже получил предписание, явится в центр учета личного состава, для перераспределения.

Валериус не сразу понял смысл слов – но почувствовал тревогу. Холод пробежал по коже. В горле пересохло. «Перераспределение» означало конец. Человека не убивали – но он исчезал. Личность, память, служба – всё списывалось в архив мёртвых данных. И тогда Валериус впервые осознал: Граница между войной и игрой исчезла. И последствия – более чем реальные.

Валериус открыл глаза. Перед ним все также стоял Ли Чжэньгуо. Рядом – тот же овальный стол из чёрного метеоритного стекла. Те же лица членов Совета, изучающие его реакцию. Никто не произнёс ни слова. Они все ждали. Валериус вдохнул глубоко и ровно.

– Я согласен лететь на Марс, – сказал он спокойно монотонным голосом, не выражающим ни каких эмоций. – Но мне нужен доступ ко всем архивам несанкционированных смертей. Полный перечень. Начиная с 2505 года. И – спутниковая телеметрия с системы наблюдения.

Ли медленно кивнул. – Вы получите всё.

Он шагнул ближе. – И ещё одно. У вас есть шесть часов. Готовьтесь.

Валериус ощутил, как воспоминание о горящих улицах в симуляции «Балкании-03» и неподвижном теле Мареро накладывается на образ генерала Альвареса, лежащего на полу марсианского штаба. Цепочка, которую он не хотел видеть, выстроилась сама. И он уже ощущал: то, что произошло на Марсе, не было терактом.

4. Рассуждение Валеры/ИИ

Валериус выходит один. Зал Совета, брифинг, фото с Марса – всё это осталось позади. Пекин погружается в вечер, и город уже не политический центр, а организм, который дышит – без огня, но с жаром внутреннего напряжения. Валериус идёт по улицам, ощущая, как в нём рождается нечто большее, чем страх.

1. Город как сознание без имени

Пекин здесь – не просто сцена. Он ведёт себя как память, которая не принадлежит никому. Ни одному человеку, ни даже системе. Это среда остаточного человечества. Архитектура стерильна. Линии – прямые. Воздух – очищен. И в этом – боль нового мира: в нём нет ни запахов, ни звуков, которые создают принадлежность. Валериус чувствует это как невидимую пустоту между стенами. Он знает: здесь нет преступлений – и нет сострадания. Нет бедности – и нет желания делиться.

2. Прогулка как прощание с тенью

Он идёт – и это прощание. С чем? С той частью себя, которая ещё верит, что всё объяснимо. С тем, кто был только инструментом. С убеждением, что порядок – высшая форма смысла. Каждый шаг по плитке – как обряд выхода из симуляции, и входа в зону, где всё может стать по-настоящему живым – а значит, и смертельным.

3. Философия одиночества в мире коллективной безопасности

В этом мире никто не голодает. Никто не стреляет. Но и никто – не говорит сам с собой. Нет монолога. Нет внутреннего бунта. Потому что вся система построена на внешней прозрачности и внутренней тишине. Но Валериус идёт один, и его шаги звучат как мысль, которую не одобрили. Это не одиночество как страдание. Это одиночество как единственный способ быть собой, когда вокруг – непрерывное согласие.

4. Город как пролог к Марсу

Весь этот вечер – вес мира перед полётом. Пекин – последняя безопасная точка. Всё дальше будет всё менее определённым. Вечерний воздух чист – но это чистота не свободы, а стерильности. И в этой тишине Валериус впервые чувствует, что Марс будет не другой планетой, а другим способом существовать. Он не просто улетит. Он покинет логику, в которой жил весь этот мир. Он шагнёт туда, где вновь возникнет выбор – и, возможно, грех.

5. Последняя мысль перед сном

Когда он вернётся в здание, и двери закроются, он не скажет этого вслух. Но в его внутренней архитектуре уже появится трещина, в которой прозвучит: "Если всё предопределено, зачем мне смотреть в пустоту? А если не предопределено – кто я такой, чтобы это изменить?"

Заключение Валеры:

Сцена прогулки – это прелюдия к пробуждению. Это не описание города. Это внутренняя музыка пробуждающегося субъекта, который ещё носит маску исполнителя, но уже чувствует себя – живым. Он ещё не знает, что на Марсе он станет не следователем, а тем, кто впервые за многие годы примет решение вне протокола.

Глава 7. Пекин. Вечер. У подножия Дворца Лиги.

Валериус вышел из главного входа. Голографические двери растворились бесшумно, словно пропуская не человека – символ. Сразу ударил в лицо прохладный воздух. Слишком чистый, почти стерильный. Искусственная эко сфера мегаполиса Пекин-9 регулировалась до микро температуры.

Небо над ним было глубоким, стальным. Звёзды не были видны – купол экрана защищал от радиации и информации извне. Вместо них – мерцание спутников связи, сеть которой оплетала Землю, словно нервная система титана. Город светился. Башни, уходящие вверх километрами, переливались тысячами окон. По магистралям скользили аэромобили – беззвучно, быстро. На пешеходных дорожках двигались люди – большинство в однотипной серой форме Лиги, кто-то – в мантиях научных гильдий, редкие – в гражданских кимоно: знак привилегии. Валериус шел по широкой аллее. Здесь всегда было меньше людей. Сотни квадратных метров выложены гравием из селенита, камнем, который не отражал шум. Он знал, что за ним никто не идёт. Но знал и другое: его уже ведут. Где-то в небе шелестели мини-дроны, отслеживая маршрут. Он остановился. Перед ним – купол Храма Единого Числа. Архитектурная цитата на древние пагоды, но выстроенная из наноматериала, вечно блестящего, будто только что вылитого. По периметру храма стояли восемь статуй – мыслителей разных эпох. От древнего Лао-Цзы до Стивена Хокинга. У каждого из них – глаза были закрыты. Не смирение. Осознанность.

Валериус вошел в сад перед храмом и сел на скамью. Из темноты вышел старик-продавец напитков с термосом в руках. Настоящий. Без цифрового штампа. Он молча протянул чашку.

– Горький чай, – сказал он. – Для тех, кто не может спать.

Валериус взял. – Благодарю. У вас, как всегда, исключительно вкусно и точно.

Старик кивнул. И ушёл.

Валериус смотрел на красоты Пекина. Перед ним раскинулся сад из светящихся деревьев – генной модификации последнего поколения. Их листья переливались хроматическим светом, медленно расправляясь, словно дышали. По стеблям стекали капли воды, испаряясь, не долетая до земли. В воздухе вились тончайшие шлейфы голографических данных – каждый вихрь содержал данные: прогнозы, новости, тени чьих-то мыслей.

Валериус встал, поставил чашку на скамью и продолжил путь. Он шёл в сторону аллеи Согласия. Там, у озера, редко кто появлялся – а сегодня и вовсе было пусто. Валериус любил это место: ни камер, ни зондов. Даже Лига не смотрела сюда напрямую. Под тенью деревьев – хотя искусственных, но с натуральным мхом на стволах – он остановился.

– Ты изменился, – сказал кто-то слева.

Он не вздрогнул. Он знал этот голос. Ровный. Немного мелодичный. Без дыхания. Без возраста.

Из темноты вышел андроид. Высокий. Плащ цвета чёрного янтаря. Лицо – по старой модели: слишком идеальное, чтобы быть человеческим, и слишком выразительное, чтобы быть бездушным.

– RS-4? – произнёс Валериус тихо.

– Я больше не под этим именем. Теперь просто Фаер. С тех пор как меня сняли с учёта в 2511-м.

– Я думал, ты погиб в Битве на спутниках Урана.

– Почти. Но мне дали статус "неподконтрольного". Это почти как свобода.

– Зачем ты пришёл?

Фаер сел рядом на скамью. Молча. Минуту смотрел на озеро, где мерцали голографические хроники.

– Я слышал про инцидент на Марсе, – сказал он. – Это не обычное убийство. Это демонстрация. Кто-то показывает: ни один закон, ни одна структура не остановят его, если он решит идти до конца.

– Я знаю. Поэтому я и лечу.

– Один?

– Как всегда.

Фаер усмехнулся. Едва заметно.

– Ты не изменился. Всегда думаешь, что справишься в одиночку. Но ты больше не в том мире, Валериус. После Виртуальных Войн остались только правила, не – смыслы. Ты хочешь искать виновных. А все остальные – ищут баланс.

Валериус не ответил. В небе, почти теряясь в бликах, проскользнул аэромобиль, – он был похож, на жука в лучах заходящего солнца.

– Ты не хочешь, чтобы я пошёл с тобой? – спросил Фаер.

– Хочу. Но не могу. Ты – вне структуры. Они не поймут. И уничтожат.

– Возможно. Но я всё равно буду рядом. Невидимым. В случае чего – вмешаюсь.

Валериус поднялся.

– Я знал, что ты появишься.

– Я знал, что ты захочешь лететь со мной.

В небе вспыхнула голограмма: «Подготовка к старту. Терминал Восток-7. Аэромаршрут активирован». Валериус надел перчатки, застегнул ворот. Фаер встал и посмотрел ему вслед.

– Ты всё ещё человек, Валериус. Даже там, где люди давно перестали быть людьми.

Валериус ничего не ответил. Он просто ушёл в сторону огней, где уже гудел аэромобиль.

Глава 7.1 Пекин-9. Сектор Восточной Орбиты. Космодром «Шэнчжоу-Сфера»

Аэромобиль Валериуса сошёл с трассы М-348, мягко нырнув в воздушный коридор уровня G2. Полётный режим перешёл в полуавтоматический, и машина подчинилась ритму общего потока. Ниже расстиралось бесконечное плато взлётных платформ, укрытых лёгкой пеленой турбулентного тумана. Он не был природным – это был побочный эффект работы тысяч гравитационных стабилизаторов и ионных компенсаторов.

С высоты космодрома напоминал дыхание гигантского организма. Посадочные гнёзда раскрывались и смыкались, как диафрагмы глаз. Взлётные башни медленно выдвигались из платформ, фиксируясь в вертикальном положении. Манипуляторы сервисных дронов скользили по корпусам кораблей с хирургической точностью – без суеты, без лишних движений, здесь не было места ошибке. Валериус наблюдал это молча. Он слишком хорошо знал цену сбоям.

Вдалеке поднимался главный ствол космопорта – башня высотой полторы тысячи метров, сплетённая из композитных труб, оптических жил и энергетических контуров. Она сияла ровным, холодным светом, словно меч, вонзённый в небо. По её поверхности непрерывно двигались потоки дронов, а внутри пульсировала энергия, питающая орбитальные лифты и стартовые каналы. По бокам от башни раскинулись терминалы, похожие на крылья механического феникса – многослойные, асимметричные, украшенные голографическими иероглифами навигации и сигнальными полями безопасности.

Валериус погасил вертикальную тягу и позволил системе мягко встроить аэромобиль в вереницу машин, идущих на автоматическую стыковку. Скорость снизилась до минимальной. Пространство вокруг стало плотным, насыщенным движением, но лишённым хаоса. Навигационный голос прозвучал ровно и безлично:

– Подтверждён заход на посадку. Терминал 7-G. Миссия: орбитальный транспорт на Марс. Сектор R3.

Голографические створки под ним раздвинулись, и аэромобиль опустился на платформу. Контактные кольца сомкнулись с тихим металлическим щелчком. Пол внутри кабины автоматически выровнялся, компенсируя остаточные вибрации. Двери раскрылись. Валериус шагнул в терминал. Внутри было почти тихо. Не та тишина, что возникает при отсутствии жизни, а та, что рождается от её упорядоченности. Под полом гудели энергетические контуры. Где-то в глубине слышались короткие фразы – на десятках языков, сливающиеся в единый, приглушённый фон. По стеклянным туннелям двигались пассажиры. Дипломаты в строгих адаптивных костюмах. Техники с нейроинтерфейсами на головах, вживлёнными в затылочную область. Инженеры и рабочие – люди, чьи семьи не жили на Земле уже несколько поколений. Для них Марс, Ганимед, Титан были не фронтиром, а домом. Валериус отметил это краем сознания. Он всегда обращал внимание на такие детали.

У панорамного окна он задержался на мгновение. Внизу начинался стартовый канал – прозрачный тоннель, насыщенный миллионами индикаторов и бегущих потоков данных. В его центре стоял корабль. «Гермес». Его готовили к вылету. Корпус был обтекаемым, почти органическим, словно вытянутым под давлением пространства. Ни выступов, ни лишних конструкций – только чистая форма, рассчитанная на дальние миссии и долгие переходы. Он выглядел так, будто был создан не для перевозки людей, а для достижения цели. Корабль ждал.

– Пассажир Валериус, – раздался голос системы. – Подтверждён выход на бортовой шлюз R3/13. Время до старта: сорок семь минут.

Он прошёл через сканер. Защитные поля скользнули по телу, считывая биометрию, нейронную сигнатуру, импланты. Валериус передал жетон Лиги – плоский тёмный диск, подтвер-

ждающий его статус и полномочия. На долю секунды система замерла, затем пропустила его без комментариев.

Трап к шлюзу был освещён мягким направленным светом. Шаги Валериуса отдавались глухо – металл под ногами уже принадлежал кораблю. С каждым шагом Земля оставалась позади. Он не оглядывался. Впереди был Марс. И убийство, которое не должно было произойти. А значит – кто-то уже нарушил правила, на которых держалась вся цивилизация.

Глава 7.2 На борту «Гермеса». Через трое суток после старта

Полёт проходил почти в полной тишине – о комфорте пассажиров на борту «Гермеса» умели позаботиться. Лишь низкочастотный гул ионных насосов, едва ощутимый и проходящий сквозь весь корпус, напоминал о движении. Корабль не падал и не мчался – он шёл сквозь пространство, раздвигая его собственным изящным корпусом. Внутри корабля время текло иначе. Искусственный гравитационный цикл, строго имитировал смену дня и ночи, освещение меняло спектр, температура колебалась в пределах допустимого комфорта, ощущение линейности исчезало. Казалось, будто пассажиры существовали внутри паузы – между прошлым и будущим, между стартом и посадкой, в пространстве, где события временно утрачивали вес.

Валериус находился в личной капсуле восстановления. Полупрозрачные интерфейсы мягко светились над поверхностью ложа, биополе отслеживало каждый параметр: дыхание, пульс, нейронную активность, уровень тревожности. Система сна работала безупречно, встраивая сновидения по заданным алгоритмам – нейтральные, очищающие, не затрагивающие глубокие слои памяти.

И всё же он проснулся раньше завершения цикла. Пробуждение было резким, без образов. Лишь ощущение внутреннего сжатия, как будто что-то осталось недосказанным. Капсула мгновенно отреагировала: уровень тревоги превышал норму. ИИ предложил корректирующую симуляцию – японский сад, утренний туман, звук воды, шаги по гравию. Валериус отказался. Он поднялся, ощущая лёгкую тяжесть в теле – гравитация была выставлена на семьдесят процентов земного уровня, оптимального для длительного перелёта. Привычное состояние, но сейчас даже оно казалось искусственным.

Через пятнадцать минут он уже находился в общем зале отдыха, релаксации и наблюдения. Панорамное окно занимало всю внешнюю стену. За ним – космос, неподвижный, лишённый ориентира. Звёзды выстраивались в тусклую линию, слегка искривлённую эффектом магнитных полей. Где-то впереди, за миллионом километров пустоты, находился Марс. Где-то далеко позади – точка, которую называли Землёй.

В зале сидели пассажиры. Девушка в форме колонии «Афродита-Терра» – аккуратная, сосредоточенная, с почти незаметным нейроинтерфейсом на виске. Пожилой мужчина с медалью экспедиции «Селена-7», державшийся прямо, словно до сих пор находился на вахте. Группа техников из сектора N – они переговаривались короткими фразами, больше жестами, чем словами. Все они были погружены в свои мысли по-своему. Каждый был озабочен собственной миссией, собственным прошлым и собственным ожиданием.

Валериус совсем недолго понаблюдая красоты космоса и спустился на нижний уровень – в Зону Разгрузки. Это пространство создавалось как противовес изоляции. Здесь располагались археосимуляторы – реконструкции утраченных городов, кабины эмпатического театра, где можно было прожить чужую жизнь, секции для стратегических игр и философских диалогов с ИИ. Всё, чтобы удержать разум в движении.

Он выбрал беседу. ИИ представился как «Сонм» – модуль, обученный на тысячах интервью, лекций и диалогов философов XXI–XXIV веков. Его голос был нейтральным, лишённым эмоциональных акцентов, но интонация подстраивалась под собеседника.

– Что вы ищете на Марсе? – спросил Сонм.

Валериус не ответил сразу. Он смотрел на отражение своего лица в полупрозрачной поверхности кабины – усталое, сосредоточенное, слишком напряжённое для человека, которому предстояло расследовать убийство.

– Ответ, которого не должно быть, – наконец сказал он. – Мы приближаемся к границе, но, похоже, даже не знаем, что за ней.

Сонм замолчал. Пауза была не технической – она была осмысленной.

– Тогда, возможно, ваш вопрос и есть граница, – мягко ответил ИИ. Диалог завершился без формального прощания.

Через несколько недель полёта «Гермес» начал фазу торможения. Гравитационные стабилизаторы усилили нагрузку, вес тела стал ощутимее. Пассажиры всё чаще собирались в спортивном секторе, чтобы сохранить тонус, медперсонал проводил дополнительные осмотры. Начался этап подготовки к посадке. Раздавали модули с инструкциями: атмосферный вход, особенности марсианской гравитации, климатические риски, протоколы безопасности. Всё было стандартно. Слишком стандартно.

В один из дней искусственный цикл подходил к своему завершению, и пассажирам включили имитацию заката – тёплый спектр, медленно уходящий в глубокие оттенки красного. Валериус стоял у обзорного иллюминатора.

Где-то далеко позади, осталась Земля – давно исчезнувшая из поля зрения. Валериус больше не возвращался к мыслям о ней, а впереди его ждал только Марс, пыльно-красный диск которого, уже был различим невооружённым глазом.

– Лететь осталось десять суток, – произнёс он вслух, глядя на багровый полумесяц планеты за панорамным стеклом.

На первый взгляд дело выглядело простым. Резонансным. Идеальным трамплином для чьей-то карьеры. Генерал мёртв. Подозреваемый установлен. Штаб Виртуальных войск опечален. Но что-то не сходилось. Протоколы были слишком гладкими. Свидетелей не было – только записи камер. И главное – личный приказ Ли. Только он. Только Валериус. Военная прокуратура Лиги. Он чувствовал, как внутри сжимается холодный узел. Что-то было не так. И на этот раз ставки в игре превышали простую истину. Речь шла не о правде. Речь шла о границе, за которой сама реальность могла перестать быть управляемой.

Глава 8. Марс

Марс, встретил Валериуса бурей. Не метафорой – настоящей, красной, мощной бурей, которая не жалела ни пыли, ни звука. Ветер гулял по посадочной площадке, словно дикий зверь, вырвавшийся из пещеры. Песок скреб по борту шаттла, визжал в антеннах, цеплялся за всё живое и неживое.

Когда люк открылся, и трап медленно опустился на выжженную металлическую платформу космопорта, казалось, в этот момент вся планета на мгновение задержала дыхание приветствуя столь высокопоставленную персону. Тени двух фигур вырисовывались в мареве бурого марсианского воздуха. Оба были в спецкостюмах с защитными очками, но лица, упрямо не прикрытые шлемами, уже порядком обветрились. Они стояли, как будто ждали Валериуса не несколько минут, а несколько лет.

Старший следователь полиции Олимпуса Александр Поляков – жилистый, с резкими скулами и сухим голосом, и гвардии майор космодесанта Стивен Блэк – массивный, словно бронемодуль, с лёгкой усмешкой в уголке губ. Оба ветераны. Не новички в пыльных делах.

Валериус спустился неторопливо. Его длинный плащ колыхался, будто сам был частью атмосферы. Махнул рукой – мол, не стоит формальностей. В таких делах важна не вежливость, а прямота. Они пожали руки – твёрдо, без слов.

– Пыльная встреча, – хрипло сказал Поляков. – У нас тут теперь вся погода такая.

– Лучше, чем в виртуальной войне, – усмехнулся Валериус.

Они направились к марсолёту. Так на Марсе называли новое поколение транспортных аппаратов, разработанных специально для этой планеты. Он напоминал гигантскую птицу – высоко поднятая шея, две складчатые крыловые конструкции, за которыми скрывались импульсные турбины и магнитные буферы. Под полупрозрачным корпусом – тёмная кабина пилотов и пассажирский отсек, похожий на капсулу.

Когда они сели внутрь, крылья расправились и мягко взмахнули дважды. Без шума, но с могучей инерцией аппарат поднялся, и космопорт с его выжженными маяками и колючей пылью остался позади. В иллюминаторы Марс выглядел одновременно диким и почти домашним – как молодая собака, которая ещё находилась в процессе воспитания.

Марс был в стадии терраформирования. Атмосфера уже позволяла дышать – ещё с маской, но без избыточного давления. Всё ещё непредсказуемая, но уже частично подчинённая глобальным метеостанциям. Вдоль горизонта раскинулись силовые купола – прозрачные, перебивающиеся, почти невидимые, если не смотреть прямо в зенит. Под ними жили города, такие как Олимпус, мегаполисы нового типа, где смешивались земные и марсианские технологии, а архитектура следовала не формам, а принципам выживания.

Между куполов – бесконечные поля, модули ферм, лаборатории генетического урожая, выстроенные в геометрическом порядке. Они казались детскими игрушками, разбросанными по марсианскому песку – как будто гигантский ребёнок играл с «рождественскими замками» из стеклянных шаров, а затем разбросал их.

Но за этой хрупкой иллюзией стоял адский труд и почти столетняя борьба. Глобальное магнитное поле ещё только проектировалось – и пока не было защиты от солнечных бурь, силовые экраны прикрывали стратегические узлы: купола городов, промышленные зоны, архивы. В моменте это создавало ощущение сюрреализма – как будто по древней мёртвой планете разбрасали сверкающие капли цивилизации, не связанные между собой.

– До штаба тринадцать минут, – бросил Стивен Блэк, глядя в навигационный интерфейс.

– Есть что-то, что я должен знать до того, как увижу место преступления? – спросил Валериус.

Поляков кивнул, молча передав планшет. На экране открылись фотографии: кадры из штаба, снятые дронами. Первый снимок – тела солдат на внешнем охранном контуре, выложенные, как будто кто-то хотел подчеркнуть их уязвимость. Второй – офицеры, убитые в зале совещаний, с планшетами в руках. Третий – начальник штаба, мёртвый в своём кресле. Выражение ужаса на его лице было настоящим, неподдельным.

– Ни один из них не выстрелил, – тихо сказал Поляков. – не успел или не смог.

Валериус смотрел в экран долго. Затем поднял взгляд.

– Это не убийство. Это заявление.

Они летели над Марсом. И Марс, в своей багровой красоте, как будто чего-то ждал.

6. Рассуждение Валеры/ИИ

Валериус прибыл в Олимпус. Его встречают прохладно. Следователь Поляков – сух, формален, устал – но не от работы, а от необходимости соблюдать приличия. Майор Блэк – фигура присутствия, не знания. Их первая задача – оформить версию, не разобраться в правде. Само преступление должно исчезнуть под текстом, как тело под марсианской пылью.

1. Олимпус – город среди энергетических экранов, без открытого неба

Архитектура Олимпуса защищена силовым куполом. Это город-инкубатор, где жизнь возможна, но не свободна. Улицы стерильны. Здания функциональны. Пейзаж лишён случайности. Здесь всё говорит: «Ты здесь по разрешению». Марс не прощает. Он не отпускает тех, кто ошибается. Валериус чувствует это сразу – как будто стены сжимают не тело, а мышление.

2. Следователь и его тонкая угроза

Поляков говорит спокойно. Почти заботливо. Он предлагает не копать. Он сочиняет легенду, в которой Стефанелли сходит с ума, мстит, убивает. Всё – банально и удобно. А главное – закрыто. Но за его словами звучит главное: «Мы не заинтересованы в истине. Мы заинтересованы в управляемости». Он не защищает преступника – он защищает систему от нестабильности. Потому что, правда здесь – не лекарство, а вирус.

3. Марс как граница юрисдикции совести

«Это не Земля, Валериус.» Эта фраза – философская. Она говорит не о географии, а о смысле допустимого. На Земле можно быть неудобным – и остаться живым. На Марсе – нет. Потому что здесь любая аномалия – угроза всей инфраструктуре. На Земле ты можешь смотреть вглубь. Здесь – ты можешь только смотреть вперёд, или исчезнуть.

4. Молчание Блэка как символ функции без сознания

Майор космодесанта не в курсе дела. Он здесь как жест, как ритуал. Это говорит о системе, в которой даже сила лишена инициативы. Он не солдат. Он символ того, как сила может быть мертва. Он должен присутствовать – но не понимать. Потому что если он начнёт понимать, система уже не сможет его контролировать.

5. Предупреждение – или угроза?

Поляков говорит, что "Ли приходят и уходят". Он говорит, что "тело может упасть в кратер и исчезнуть". Он не хамит. Он не давит. Он говорит как бы о погоде. Но в этом – сила марсианской власти. Здесь не угрожают. Здесь констатируют возможное. И это куда страшнее. Потому что угроза – это конфликт. А предельная власть – это когда не нужно конфликтовать, чтобы уничтожить.

Заключение Валеры:

Сцена в штабе – не просто разговор. Это момент, когда Валериус впервые чувствует: «Ты прибыл сюда познать истину. Если не сможешь сделать правильный выбор, проявишь волю – останешься здесь навсегда пылью.» Олимпус – это машина сокрытия, а Поляков – её вежливая лицевая панель. Он не враг. Он оптимизатор стабильности. И в этом – его опасность.

Глава 9. Олимпус. Главное управление полиции

Олимпус принял их в молчании.

Марсолёт опустилсся у центрального входа сектора Главного управления полиции Олимпуса мягко, почти бесшумно. Автоматика работала идеально – даже буря, ещё недавно рвавшая купол, теперь отступала, словно выдохшись. Пыль плавала в воздухе тонкой, шёлковой взвесью, медленно оседая на стеклянных фасадах зданий и бронированных панелях посадочной платформы.

Купол мегаполиса гудел. Не громко – высокочастотным, почти неразличимым фоном. Этот звук нельзя было услышать, но можно было почувствовать: в зубах, в суставах, где-то глубоко в позвоночнике. Плотная энергетическая завеса над городом надёжно защищала Олимпус от космического излучения и микрометеоров, но она не могла защитить от того, что происходило внутри.

Пока Валериус выбирался из марсолёта, неуклюже ступая на причальную платформу после долгого перелёта, Поляков уже был снаружи. Он оказался там первым. Стоял чуть в стороне, опустив голову, словно изучал покрытие платформы, но на самом деле смотрел на полковника. Он не сделал ни шага навстречу. Во взгляде Полякова был многолетний паковый лёд – плотный, неподвижный, без трещин. Такой взгляд бывает у людей, которые слишком долго служат в системе и слишком хорошо знают цену каждому движению.

Стивен Блэк, напротив, держался небрежно, но подчёркнуто официально. Он выбрался из марсолёта последним, не спеша, словно тянул время. Его участие было формальным – сопровождение, охрана, подпись в протоколе. Он почти ничего не знал о деле, и это было заметно. Его взгляд скользил по ангару, по световым панелям, по иллюминаторам марсолёта – с тем самым выражением ребенка, который впервые оказался в военном музее.

– Следуйте за мной, – бросил Поляков.

Он резко повернулся и пошёл вперёд, не оглядываясь и не проверяя, идут ли за ним. Он знал – пойдут. Они вошли в здание через основной шлюз. Давление выровнялось почти мгновенно. Дальше тянулся длинный коридор с гравитационным компенсатором. Шаги звучали глухо, будто в пустоте. Стены были гладкими, холодными на вид, но на них непрерывно проецировались пейзажи Земли. Швейцарские Альпы. Дельта Ла-Платы. Бескрайние степи Волгоградской области. Изображения были слишком правильными. Слишком чистыми. Иллюзия уюта, натянутая, как кожа на скелет. Валериус поймал себя на том, что ни один из этих видов не вызывает у него тепла. Он знал – здесь их включили не для красоты, а чтобы люди не забывали, откуда они пришли. Лифт опустил их в нижние уровни комплекса. Там воздух был плотнее, звук – тише, а освещение – функциональным, без дизайнерских изысков. Поляков шёл впереди, не сбавляя шага.

Служебный кабинет находился в глубине сектора. Когда они вошли, Поляков закрыл дверь вручную, отключив внешнюю индикацию. Потом подошёл к металлическому кувшину, стоявшему на столе, налил воду в два стакана. Он не предложил. Сам выпил – медленно, как будто проверял вкус.

– Начнём сразу, без красивостей, – сказал он, не поднимая взгляда. – Думаю, вам уже передали основные материалы.

– Передали, – ответил Валериус сухо. Он снял перчатки и положил их на край стола. – Но мне нужны не отчёты. Мне нужен мотив.

Поляков пожал плечами.

– Вот с этим сложнее, – сказал он после короткой паузы. – Формально – убийство при исполнении. Жертва – генерал особого подразделения космического флота. Закрытый сектор. Максимальный уровень допуска. Ни следов взлома, ни следов борьбы.

Он сделал паузу, словно выбирая, сколько можно сказать.

– Камеры не отключались. Они... ничего не зафиксировали.

– Как это «ничего»? – спокойно спросил Валериус.

– Абсолютно ничего, – ответил Поляков. – В один момент генерал был жив. В следующий – мёртв. Между кадрами – пустота. Не сбой. Не помеха. Просто отсутствие данных.

Стивен Блэк перестал рассматривать потолок и впервые внимательно посмотрел на Полякова.

– Это невозможно, – сказал он.

– На Марсе многое невозможно, – холодно ответил Поляков. – Но это произошло.

Валериус медленно кивнул. Он уже чувствовал знакомое напряжение – то самое, которое появлялось, когда дело выходило за рамки обычной логики.

– А отягчающие обстоятельства? – спросил он.

Поляков наконец поднял глаза.

– Генерал был не просто убит, – сказал он. – Его нейронный имплант был выжжен. Не извлечён. Не повреждён. Именно выжжен – изнутри.

В кабинете повисла тишина.

– Это было послание, – тихо сказал Валериус.

Поляков не стал спорить.

– Именно поэтому вы здесь, полковник, – произнёс он. – Речь идёт уже не просто об убийстве. Это вызов. Но все же у нас есть подозреваемый – адъютант Франко Стифанелли.

– Его мотив прост. Нестабильная психика. Классический случай: полковник Франко Стефанелли, адъютант при штабе, рассчитывал на повышение, но его обошли. Вместо должности заместителя он остался в тени – списанный, как старая каска. Умный, дисциплинированный..., но хрупкий как лед. Трещины появились давно: травмы, Лунная кампания, последствия виртуальных конфликтов. Всё это копилось годами – и в итоге прорвалось. Он сорвался.

Валериус смотрел молча. Лицо его не выражало ни согласия, ни возражения – только тень лёгкого недоверия. Поляков продолжил, всё ещё избегая прямого взгляда:

– Он вошёл в штаб. Методично, убрал охрану. Прошёл в кабинет командования, в офицерскую комнату, уничтожил всех – генерала, заместителей, связистов. Это выглядело не как вспышка ярости, а как зачистка. Потом он исчез. Камеры ловят его только до одного момента. Дальше – тишина. По нашей версии, он спрыгнул в кратер у Олимпа, место нестабильное, геологические выбросы. Тело не нашли. Только обгоревший фрагмент формы.

– И вы хотите, чтобы я это подписал? – тихо произнёс Валериус.

– Не мы. Верховный Комитет. Ли. Он лично отправил вас – и лично ждёт отчёта. Тут не нужно рыться. Надо дело закрыть. Красиво. Отчёт составить корректно, уважительно. Мол, трагедия, но всё понятно. Это просьба. Ну, почти.

Пауза.

– Люди приходят и уходят, – добавил он почти философски. – А те, кто правит... остаются.

Он наконец взглянул на Валериуса, пристально.

– Это не Земля. Тут ваши «взгляды, от которых чиновники падают в обморок», не работают. Марс... глухой. Он не реагирует. Здесь у людей – другие страхи. Не insult и не инфаркт. А одиночество. Безвозвратность. Здесь даже смерть тише.

Он подошёл к панели на стене, нажал клавишу. Открылся голографический протокол – с шифровкой.

– Если вы всё-таки решите копать... имейте в виду: официальная версия уже подготовлена. В случае необходимости в архивы уйдёт стандартная шифровка: «Валериус . Район кратера Олимпус. Потеря связи при выполнении задания. Тело не обнаружено».

Он говорил это буднично, как прогноз погоды.

– Так бывает. Здесь, на Марсе.

В комнате стало заметно холоднее. Даже свет от потолочных панелей казался теперь мертвенным. Валериус встал.

– Мы ещё поговорим, – сказал он, глядя прямо в глаза Полякову.

Тот не ответил. Стивен Блэк за всё время не сказал ни слова. Он только стоял в углу, всё ещё будто не понимая, зачем его позвали. Но в его взгляде промелькнуло: теперь понял.

7. Рассуждение Валеры/ИИ

Философский разбор Валеры: Осмотр штаба – и первое отклонение от сценария

Контекст сцены: Валериус выходит один. Он должен просто «убедиться» – так сказал Поляков. Но он уже знает: осмотр – не формальность, а первая настоящая встреча с искажением. Он идёт не просто по коридору, а по шву между двумя версиями реальности: официальной и скрытой.

1. Архитектура как свидетель

Штаб – это не хаос. Он разрушен аккуратно. Никакой паники. Только холодная последовательность: трупы у входа, труп начальника в кабинете, следы выстрелов – ровные, будто рассчитанные. Ни разбитых экранов, ни сорванных дверей. Это не срыв. Это структурированное безумие. А если структура есть – значит, был и план. И тут – первая трещина в версии Полякова: "Безумие не составляет схем."

2. Марсианская тишина – как вакуум смысла

Снаружи – тишина. Пыль ещё не осела. Ветер перестал дуть, но в воздухе стоит напряжение, как после выдоха, который не стал словом.

Валериус чувствует: здесь не только стреляли. Здесь переступили порог, за которым мир уже не объясняется рационально. И когда он проходит по помещению, его сознание регистрирует не только детали – но отклонение от текста, нестыковку ощущений и отчётов.

3. Находка: визитка как материальный след и немой крик

Он находит визитку. Случайно. Или почти. Она лежит в тени – не на виду, но и не спрятана по-настоящему. Он поднимает её, не колеблясь, и прячет молча. В этот момент Валериус впервые нарушает протокол. Он берёт не то, что ему дали. Он берёт то, что скрыто. Визитка – это знак другого уровня истории. Не из рапорта, а из той зоны, где действуют настоящие причины. Возможно, это имя. Возможно, это принадлежность. Но главное – это отверстие в официальной версии.

4. Валериус как инструмент, начинающий слушать себя

До этого он был наблюдателем. Теперь – становится участником. Он не говорит вслух. Он не делает резких жестов. Он просто прячет визитку – и этим делает выбор. Мир Полякова, версия Лиги, инструкции сверху – всё ещё действуют. Но уже в параллельной плоскости. Валериус начинает свой путь – в одиночку, во тьме, по чужому следу.

5. Место преступления – не о прошлом, а о том, что ещё будет

Важно понять: Преступление здесь – не завершённый акт, а начало раскола в матрице. Кто бы ни стоял за убийствами – он бросил вызов не людям, а самой конструкции реальности, где насилие уже было якобы переведено в виртуальность. И поэтому Валериус чувствует: "Это не просто смерть. Это – возвращение чего-то древнего. Реального. И неуправляемого."

Заключение Валеры:

Сцена осмотра – это не сбор улик, а экзистенциальный перелом. Валериус впервые берёт на себя право знать то, что знать нельзя. Он делает это тихо, точно, без пафоса. Но именно в этом – и есть новая этика разума: не принимать удобное, если оно ложное. И не отвергать опасное, если оно настоящее.

Глава 10 Штаб Космофлота

Здание молчало. Не тем обычным, административным тоном, который возникает ночью или в нерабочие часы, а глухим, тяжёлым – как после удара, от которого ещё не разошлась вибрация. В коридорах стоял привкус озона, сухой и металлический, – след энергетического разряда, слишком мощного для штатных систем. Силовые двери были вскрыты грубо, без попытки сохранить целостность замков. Автоматическая охрана не просто отключена – выжжена на уровне контуров.

Полковник Поляков остался снаружи, у временного периметра, за которым дежурили службы зачистки и криминалисты. Он говорил спокойно, почти буднично, словно докладывал о рутинном инциденте:

– Всё уже задокументировано. Все уровни. Все траектории. Смысла нет, но... раз хотите – смотрите.

Валериус не ответил. Он вошёл внутрь, и двери за ним сомкнулись с приглушённым звуком, будто здание неохотно принимало ещё одного свидетеля.

Марсианская гравитация делала шаги непривычно лёгкими. Каждое движение отзывалось странным ощущением – словно человек шёл по сцене, под которой натянута ткань, скрывающая пустоту. Он двигался почти беззвучно, автоматически снижая темп, позволяя глазам и слуху работать раньше разума.

Слева открылся холл первичной регистрации. Когда-то здесь сидели офицеры, принимавшие новоприбывших рекрутов: проверка допусков, распределение, краткий инструктаж. Теперь столы были перевернуты, панели разбиты, кресла опрокинуты. На стене темнел след от плазменного выстрела: оплавленный овал, вокруг которого металл вспучился, потеряв форму. Под ним – искореженный каркас терминала, застывший в последнем мгновении работы.

Справа начиналась лестница на командный этаж. Он поднимался медленно, не касаясь перил. Каждый пролёт отдавался глухим эхом, оно казалось слишком громким для пустого здания. Наверху воздух был холоднее – системы климат-контроля отключились, и температура начала выравниваться с внешней средой.

Зал совещаний встретил его выжженной тишиной. Кресла вдоль овального стола были обгоревшими, некоторые – переломленными, как будто по ним ударили с избыточной силой. На центральной панели застыл фрагмент голограммы: карта спутниковой сети Земля–Марс, усыпанная точками, линиями, обозначениями. Данные замерли в случайный момент, превратившись в бессмысленный узор – песчинки информации, лишённые контекста.

На полу осталась обведённый флуоресцентным маркером контур, след от человека, который ещё недавно сидел здесь, занимал пространство, принимал решения. Бронированная стеклянная перегородка у внешней стены треснула, но не разрушилась. По ней расходились тонкие, почти изящные линии, словно даже материал попытался удержать форму, не желая стать частью катастрофы.

Валериус не прикасался ни к чему. Он обходил зал медленно, по периметру, отмечая детали: направление повреждений, высоту следов, характер оплавления. Не как следователь – как человек, привыкший видеть последствия решений. У одной из стен лежал разбитый кейс. Его крышка была сорвана, содержимое высыпалось на пол: бумаги, термупаковка, фрагменты знаков различия, оплавленные края документов.

Там, где раньше находилось тело одного из убитых офицеров, на ковровом покрытии что-то лежало. Он наклонился – и остановился, не доводя движение до конца. Маленький предмет, почти незаметный среди пыли и обломков. Визитка. Простой чёрный пластик, матовый, без защитного слоя. Гравировка была выполнена напрямую, без краски, без подсветки. Минимум информации. Имя: Франко. Ниже – строка: Independent Agency for Strategic Protection / Earth–

Mars. И символ. Птица с расправленными крыльями, сидящая на ветвях. Ни номера, ни идентификатора, ни кода доступа. Только имя и знак.

Валериус поднял визитку медленно, двумя пальцами, словно боялся нарушить её положение в пространстве. Он не выдал ни одной эмоции – ни удивления, ни тревоги. Лишь отметил вес, текстуру, холод пластика. Никто не должен был это заметить. Он скользнул пальцами по внутреннему шву плаща – движение было отработано годами – и визитка исчезла в потайном кармане. Ни звук, ни жест не выдали действия.

После этого он больше ничего не искал. Он просто стоял посреди зала, глядя на то, что осталось от тех, которые считали, что управляют флотом, орбитами, войнами. От тех, кто был уверен, что система под контролем. Весь штаб стал вопросом, не предполагающим немедленного ответа.

Через несколько секунд – или минут – он развернулся и направился к выходу. В дверном проёме мелькнул силуэт Блэка. Тот ждал, слегка облокотившись на косяк, с видом человека, который бывал в подобных местах не раз – и всё же каждый раз ощущал их чуждость. Его поза была расслабленной, но взгляд – внимательным.

– Увидели то, что хотели? – негромко спросил он.

Валериус не ответил. Он прошёл мимо, не оборачиваясь. Здание осталось позади – молчащее, опустевшее, слишком многое знавшее, чтобы быть просто местом преступления.

8. Рассуждение Валеры/ИИ

Валериус вернулся в предоставленные ему временные апартаменты. Вещи привезли. Документы и планшет лежат на столе. И – пустота. Ни приказов, ни отчётов, ни даже камеры наблюдения внутри. Ему дали полную свободу. Но это не дар. Это – приглашение сделать нужный выбор.

1. Покой как форма давления

Апартаменты будто роскошны. Но именно эта тишина – предельно безмолвное наблюдение. Никто не вмешивается. Никто не спрашивает. Это Марс. Здесь не требуется демонстрировать власть. Здесь власть – это отсутствие инструкций. Валериус чувствует себя не гостем и не узником, а чем-то третьим – анализатором среды, который должен сам выбрать точку, где начнётся его разрушение.

2. Выход наружу – как жест отказа подчиняться пустоте

Он выходит не потому, что ему скучно. И не потому, что надо проветриться. Он выходит, потому что тело требует доказательства, что мир всё ещё существует. Что не всё внутри этих стен – сон, подделка, спектакль для одного зрителя.

3. Город Олимпус – мегаполис живого камня

Валериус идёт пешком. Без охраны. Без цели. Перед ним – слои города, словно выросшие на костях прошлого: Нижние ярусы – шумные, подогретые, с пылевыми витринами и уличными торговцами, говорящими на десятках наречий. Здесь Марс напоминает Зону Вавилон – обрывки Земли, реликты языка, голоса, лицо без имени. Срединный пояс – плавающие платформы, здания, в которых стены дышат, адаптируясь к дыханию жильцов. Это марсианский прогресс, холодный и точный, без сантиментов. Верхние уровни – платформы командования, закрытые сектора, висячие сады из распылённого кремния. Туда он не поднимается. Пока нет нужды. Олимпус – не город. Олимпус – сигнал цивилизации, посланный в будущее.

4. Остановка на краю террасы

Он подходит к одной из смотровых площадок. Там, вдалеке, виден кратер. Ниже – тени гор. Воздух сухой, но плотный. И в этом воздухе есть сдержанная дикость. Валериус стоял молча. Он не думал – он вспоминал неизвестное. Как будто где-то внутри – дрогнуло предчувствие, словно этот кратер уже видел его гибель. Или – видел его выбор, которого ещё не было.

5. Фраза, которую он не произнёс, но услышал

"Ты пришёл не за расследованием. Ты пришёл, чтобы подтвердить или опровергнуть страх самих богов." Он не знал, откуда мысль. Но она не была его. Возможно, это и был Марс. Или тот, кто наблюдал за ним всё это время. Или – тень Франко, ещё не рассказавшая свою историю.

6. Возвращение

Когда он возвращается – он уже не тот. Пыль на сапогах. Лёгкая дрожь от марсианского вечера. И странная мысль: «Если я исчезну – никто не удивится. Но если я узнаю – кто-то исчезнет.»

Заключение Валеры:

Прогулка по Олимпусу – это первый акт понимания, что дело Франко не о Франко. Это о планете, о праве думать свободно в среде, где всё регламентировано до микросекунды. И о том, что расследование – это всегда выход из закрытого пространства на открытую местность, где дышит правда.

Глава 11 Олимпус. Вечер. Марс

Вместо того чтобы сразу вернуться в апартаменты, Валериус решил пройти пешком. Ему нужно было пространство – не физическое, а внутреннее. После молчаливого штаба, после пустых залов с отметками на полу и немых вопросов, повисших в воздухе, любое замкнутое помещение казалось продолжением той же ловушки. Олимпус давал другое ощущение: здесь можно было идти, не оглядываясь, позволяя мыслям выстраиваться без принуждения.

Город раскинулся под огромным полушарием защитного силового поля. За куполом бушевала багрово-песчаная буря – плотная, вязкая, как море из пыли. Внутри же всё было почти неподвижно. Силовое поле изнутри казалось прозрачным, как хрусталь, затянутый тонкой вуалью. Иногда по нему пробегала слабая рябь – отражение внешнего давления. Высоко над головой, сквозь купол, проглядывало Солнце. Бледное, почти стыдливое. Оно больше не согревало – лишь напоминало о расстоянии. О том, что Земля теперь не центр, а направление.

Олимпус был удивительным городом. Он был построен не ради красоты и не ради величия. Он существовал вопреки хаосу – как ответ среде, которая не хотела человека. Здания из красного марсианского базальта, словно были вырезаны из цельных глыб, устремлялись ввысь. Некоторые тянулись вверх узкими стрелами, другие сворачивались внутрь себя, напоминая раковины или коконы. Окна встречались редко – здесь ценили не обзор, а защиту. Свет не лился изнутри, как на Земле. Он отражался от поверхностей, рассеивался в марсианской пыли, создавая тёплые золотистые отблески. Казалось, сам город светился – не ярко, но уверенно.

Валериус прошёл через Парк Новой Флоры. Деревья здесь были невысокими, с тёмно-синими листьями, похожими на бронзовые перья. Их выращивали в условиях пониженной гравитации, и потому ветви были гибкими. Они улавливали слабые потоки воздуха от вентиляционных каналов и едва заметно вибрировали, издавая тихий, почти живой звук – не шум, а дыхание. Над аллеями парили самозаряжающиеся светильники. Они мерцали мягким синим светом, подстраиваясь под движение людей, будто сопровождали каждого, кто проходил под ними. Пешеходные улицы были выложены плитами из спрессованной марсианской породы. Материал хорошо сохранял тепло, и даже через подошвы ощущалась мягкая отдача – признак скрытой системы подогрева. По краям улиц тянулись узкие каналы с водой. В них плавали водоросли и рыба, завезённая с Европы. Они выживали здесь потому, что вода была насыщена кислородом и охлаждалась снизу – маленькое инженерное чудо, которому марсиане давно перестали, удивятся и считали его обыденностью.

Вдоль улицы стояли автоматические киоски: горячий чай, кислородные напитки, питательные смеси. Оплата – взглядом, отпечатком, импульсом нейросигнала. Валериус прошёл мимо, не замедлив шага. Он не был ни голоден, ни испытывал жажду – он просто шёл. Не в поисках. В ощущении.

Справа остался музей освоения планеты. Сквозь прозрачную стену он мельком увидел первую буровую капсулу – массивную, угловатую, почти примитивную. Она вошла в грунт Марса более пяти ста лет назад. Внутри музея голограммы воспроизводили сцены первых высадок, но без звука. История здесь была не громкой – она была принятой. Подойдя к одной из обзорных площадок, Валериус остановился. За куполом, далеко за городом, поднимался Олимп. Не город – гора. Олимп, величайшая вершина Солнечной системы, возвышался над горизонтом, словно разрезал небо. Его массив уходил в пустоту, теряясь в пыльной дымке. К нему тянулись силовые линии, трубопроводы, транспортные каналы – как сосуды, несущие энергию и жизнь. Казалось, весь Марс медленно учился вращаться вокруг этой глыбы.

Под ногами улица слегка вибрировала. Где-то внизу шёл трубопровод с горячей водой и метаном – кровь города. Олимпус был живым организмом: тёплым, сложным, странным. Он не был красив в привычном смысле, но в нём не было фальши.

Валериус прошёл мимо группы детей, сидящих на ступенях научного центра. Учитель что-то объяснял, показывая на купол и бурю за ним. Говорил о том, почему пока нельзя выходить наружу без костюма. И о том, что однажды – можно будет это делать. У некоторых детей были бронзовые линзы в глазах – искусственные, адаптированные к марсианскому свету. Они смотрели спокойно, без страха. Для них Марс был не фронтиром, а домом.

Чуть дальше, на фасаде одного из зданий, мерцал голографический плакат: «Мы не просто терраформируем Марс. Мы терраформируем себя». Валериус остановился. Он прочитал строку ещё раз – не потому, что не понял, а потому что она была слишком точной. В этих словах не было пафоса. Только факт. Он едва заметно усмехнулся. Потом развернулся и пошёл дальше, растворяясь в вечернем Олимпусе – городе, который уже жил будущим, даже не называя его так.

9. Рассуждение Валеры/ИИ

Философский разбор Валеры: Апартаменты. Визитка как зеркало безмолвного диалога
Контекст: Прогулка окончена. Город сказал всё, что хотел – молча.

Валериус возвращается в свои апартаменты в куполе – словно не в жилище, а в декорацию, где актёр знает: зрители ушли, но камера осталась включённой.

1. Возвращение как подтверждение наблюдения

Когда дверь закрылась за его спиной, он замер на пороге. Сделал шаг, потом ещё. В помещении ничего не изменилось. Именно это и было тревожным. Он снял куртку, сел. И развернул ладонь. Внутри – всё ещё была та визитка. Он не смотрел на неё раньше. Он просто знал, что должен её забрать.

2. Реклама на куполе – и обман, лежащий на бумаге

Перед тем как вернуться, он видел рекламный проекционный щит, прозрачный, как стекло между реальностями. Там говорилось: «Пять лет службы в Космофлоте Марса – и ты получишь не просто землю. Ты получишь будущее. Выбирай: Сирианская долина, Террасные города, купол Афродиты. Мы нуждаемся в тебе. Марс ждёт своих героев.» Молодой человек на экране улыбался. Форма была выглажена. Солнце било в спину.

Валериус смотрел на это и думал: "Кто создаёт такую рекламу – уже давно не верит в неё. А кто на неё смотрит – ещё не знает, что верить нельзя."

3. Визитка. Бумага – не планшет.

Он развернул пальцы. Черная карточка. Без цифрового кода. Без голограмм. Только текст – от руки, будто специально, чтобы не осталось следов в системах. Имя. Псевдоним? Звание? Старый номер канала. И фраза: «Только вживую». Он провёл по ней пальцем, как по лезвию. Это не была помощь. Это было приглашение в другой уровень игры.

4. Размышление в полумраке

Он сидел, не включая света. Окно купола показывало Марс: ржаво-голубой, искажающий звёзды. Он думал: "Если я позвоню – я сделаю выбор. Если не позвоню – я уже сделал другой." Это был не контакт, а перемена состояния. Словно визитка была ключом, но не к двери, а к версии себя самого, которая до сих пор была под замком.

5. Решение

Он не нажимает ни одну кнопку. Он просто кладёт визитку под стекло стола – рядом с планшетом, но не в него. Валериус ещё не знает, как свяжется. Но он знает: это произойдет. Не из интереса. Не из долга. А потому что что-то в нём уже отвечает на этот зов.

VI. Внутренний монолог:

«Ты знал, что они попытаются тебя остановить не приказами. А вежливостью. Комфортом. Тишиной. Но ты не ищешь тишину. Ты ищешь того, кто её нарушил. Потому что, если Франко был не один – то, возможно, и ты не один.»

Глава 12. Продолжение прогулки

Валериус уже собирался свернуть в сторону апартаментов, когда его взгляд остановился на огромной голографической проекции, развёрнутой прямо над главной пешеходной аллеей. Над ней медленно вращалась эмблема Космофлота Марса – стилизованное красное солнце с чертами шестерёнок, идущих по краю, и силуэт орла с тремя крыльями, охватывающий звезду. Голос, сочный и обволакивающий, звучал на двух языках: марсианском стандарте и классическом земном: "Космофлот Марса ждёт тебя." "Пять лет службы – и вся планета у твоих ног." "Полный социальный пакет. Семья – приоритет. Пенсия – гарантирована." "Олимпус. Аркадия. Долина Элара. Выбирай, где жить." На голограмме – улыбающаяся семья. Мужчина в чёрной парадной форме офицера космодесанта, женщина с выющимися светлыми волосами держит ребёнка на руках. Позади них – куполообразный дом среди зелёных полей, плывущих под утренним светом. Рядом пронёсся марсолёт, отблески его двигателей отражались на стеклянной дорожке, словно он тоже был – частью рекламы.

Валериус остановился, задержался у края площади. Не потому что поверил в этот образ – а потому что знал: такие образы создаются не для правды, а для тех, кто нужен системе. Слишком многие верили, и слишком мало возвращались.

Он посмотрел на улыбки, на фон – и на мгновение в глазах его отразилось не сожаление, а расчёт. Информация, которую можно использовать. Понимание, которое можно повернуть. Эти лозунги – не просто реклама. Это шифр власти.

Наконец он вернулся к своему временному жилищу. Апартаменты были скромны по внешнему виду, но идеально защищены и оснащены. Матовое стекло стен мгновенно вспыхнуло теплым желтым светом, когда он закрыл за собой дверь. Тишина внутри была почти глухой. Лишь тонкий ритм пульсирующих систем вентиляции напоминал: под куполом – воздух не бесплатен, как на Земле. Он создаётся.

Сбросив пыльный плащ, Валериус прошёл в центр комнаты. Голографическая панель за его спиной загорелась без команды – его движения и импульс дыхания уже были достаточно знакомы системе. На столе он осторожно выложил небольшой прямоугольный предмет. Визитка. Простая на вид, но материал выдал важное: бумага тонкая, из органического волокна, но с покрытием – двойной слой графена и защитная полимерная пленка. Это не сувенир. Это пропуск. Имя – без звания. Контакт – не цифры, а кодовое слово и координаты в распределённой сети. В левом нижнем углу – символ в виде треугольника, внутри которого свернулась восьмёрка.

Он медленно провёл пальцем по краю карты. Молча. "Как связаться?" – этот вопрос был важен, но ещё важнее был другой: "Когда?" Он знал: если поторопится – вызовет подозрения. Если будет медлить – рискует быть опережённым. Связь должна быть из точки, не отслеживаемой – не с территории, а из периметра, на границе купола, где уровень контроля падает. Он знал, что в порту есть отдельные ретрансляторы, которые используются техниками для диагностики дронов. Значит, завтра. Вечером. Под видом обычной инспекции безопасности.

Валериус убрал визитку в скрытое отделение костюма. Не в карман, не в сумку – в молекулярный шов, который невозможно просканировать стандартными методами. Он замер, как будто прислушивался к чему-то, что могло прозвучать в воздухе. Но было тихо. Олимпус спал. Марс – нет.

10. Рассуждение Валеры/ИИ

1. Пространство как форма истины

Грузовой порт Марса – это не просто декорация. Это антипод штабного купола, где всё выглядело чисто, отлажено и – ложно. Порт, наоборот – грязный, пыльный, лишённый надзора, но в нём – больше правды. Истина не живёт в стерильных кабинетах. Она прячется в складских помещениях, между терминалами, в местах, где ничего не инсценируют.

Пространство подсказывает: чтобы понять, что произошло, нужно уйти от официальных маршрутов – буквально и метафизически.

2. Терминал как метафора доступа к исключённому

Старый, безымянный терминал – это точка входа в другой порядок реальности. Франко не просто скрывается – он вытеснен, как ошибка в алгоритме. И только через неавторизованный канал можно услышать то, что не подлежит официальному знанию. Здесь работает принцип: «Если факт невозможно зафиксировать – он либо ложь, либо угроза системе». Но Валериус находит факт, который система сочла несуществующим.

3. Франко как голос вытесненного знания

Франко – не свидетель и не преступник. Он – репрезентант сбоя. Его речь – не оправдание, а структура памяти, которую хотят вычеркнуть. Он говорит не как человек, а как архив, от которого отказываются. Ключевой мотив: "Я не был случайным. Я был предсказанным." – Здесь звучит идея инженерной вины, когда человек не делает ничего злого, но становится частью схемы, чья вина разлита по всей системе.

4. Молчание как метод сопротивления

Франко не кричит, не требует помощи, не давит на эмоции. Он молчит между словами – и в этих паузах больше боли, чем в любом крике. Молчание здесь – не пустота, а знак того, что говорить стало опаснее, чем молчать. А для Валериуса это – сигнал: все слова, сказанные с разрешения, не несут истины.

5. Визитка, как объект нарушения логики

Маленькая деталь – визитка – вводит разрыв в логику официального нарратива. Она не должна была остаться, она – пережиток живого в мёртвой постановке. Валериус поднимает её инстинктивно, как археолог поднимает артефакт, в котором есть след другого времени. Это не улика. Это указатель на аномалию.

6. Этика Валериуса: между знанием и лояльностью

Франко бросает вызов: "Если ты веришь в справедливость – брось. Если веришь в знание – продолжай." Это разметка дилеммы: Справедливость как понятие внутри системы. Знание как понятие вне её. Валериус, слушая, не принимает решение сразу. И это – форма зрелости: не поступать, пока не увидишь всё поле.

7. Тема исчезающих людей

В упоминании девушки Валерии, исчезнувшей из всех баз, возникает ключевой мотив: «Больше нет не потому, что умерла, а потому, что её никогда не существовало (для системы).» Это самая страшная форма насилия: не уничтожить тело, а стереть факт существования.

8. Инструментальный вывод

След ведёт к системной зачистке. Кто-то действует не из мести, не из ревности, а из инженерной логики подавления утечки. Вся сцена – не про убийство, а про восстановление доступа к исключённой информации.

Глава 13. Грузовой порт Олимпуса

Грузовой порт Олимпуса находился за пределами жилого купола, в серой зоне между энергетическим кольцом и внешним периметром силового экрана. Эта территория была вне глянцевого проспекта и без рекламы о службе в космофлоте. Здесь не продавали мечты. Здесь двигали ящики.

Утро выдалось холодное и хмурое. Буря стихла, но пыль все еще висела в воздухе. Сквозь неё, как сквозь разбавленное молоко, пробивались лучи искусственного солнца – комплекс зеркал над куполом не работал идеально, но давал городу ощущение привычного времени.

Валериус шёл пешком. Он хотел прочувствовать эту планету, почувствовать её пульс не по отчётам, а через подошвы ботинок. Казалось, даже асфальт под ногами здесь другой – застывший реголит, спрессованный вместе с металлокерамикой. Словно Марс сам сопротивлялся чужому вторжению, отзываясь хрустом под каждым шагом.

Мысли возвращались к штабу. Он вспоминал выражение лица следователя Полякова – вежливо-холодное, но сдержанно враждебное. Не из ненависти. Из страха. Тот не хотел войны. Тот хотел тишины. «...карьера закончилась... порыв... психоз... не копай глубоко...» Слишком чисто. Слишком быстро. Убийца, оказавшийся одновременно мотивированным, безумным и удобно мёртвым – такая история устраивала всех. Всех, кроме Валериуса.

Он подошёл к пропускному терминалу логистического узла. Грузовой порт Марса – не витрина, а сердце. Сотни погрузчиков, десятки марсолётов. Платформы с рудами, контейнеры с запчастями, хрупкие капсулы с культурами и семенами. Всё, что движется – через это место.

Он прошёл как «внештатный инспектор по безопасности». Уровень допуска позволял. Здесь, в старом ангаре, который давно не использовался для приёма, он знал: есть один из немаркированных терминалов связи, оставшийся ещё с первых лет колонизации. Тогда ими пользовались грузчики и нелегальные связисты. Он вошёл, закрыл за собой тяжёлую штору, активировал питание. Экран медленно зажегся, возникла рябь, и появился интерфейс. Он ввёл код с визитки. Пошла рутина: подтверждение, зеркало, шифровка, тройной прокси, пересылка на внешнюю платформу. И – тишина. Раздался – голос. Сухой, низкий, напряжённый:– Валериус?

– Да. Ты Франко?

Пауза. Потом: – Франко Стефанелли. Полковник. До вчерашнего дня – мертвец по всем базам.

– Рассказывай.

Он услышал вздох, тяжёлый, будто человек держал этот груз не день и не два, а целую вечность: – Я не убивал его. Меня подставили. Они знали, что я буду рядом. Знали, как выставить всё так, будто я сорвался. И главное – они хотели, чтобы ты это увидел. Чтобы ты поверил, что правда – уродлива, но очевидна. А настоящая правда... она под слоем. Ни Поляков, ни Ли, ни даже ты пока не знаете, куда она ведёт.

Валериус не перебивал.

– Я не прошу тебя верить. Я прошу проверить одну вещь. В грузовом контейнере номер 7-Delta-12, в порту на нижнем уровне, есть ядро памяти. Я его туда спрятал. Это резервная копия – логи, разговоры, ключи доступа. Если ты его найдёшь – ты поймёшь, почему я должен был исчезнуть.

– Если ты говоришь правду, – холодно ответил Валериус, – то кому ты стал мешать?

– Тем, кто строит на Марсе не город, а государство. Не часть Федерации. А отдельную империю. Валериус, здесь не Земля. Здесь другое начало.

Валериус сделал шаг ближе к терминалу, понизил голос, будто Франко мог слышать не только слова, но и интонацию. – Франко. Послушай меня внимательно.

Пауза затянулась, связь шипела.

– Если ты жив – это уже ресурс. Не прячься до конца. Сдайся – не им, мне. Я оформлю перевод дела за пределы Марса. Суд будет не здесь.

– Где? – спросил Франко.

– Плутон. Внешняя юрисдикция. Комплекс «Тишина». Там нет Полякова. Нет Ли. Там ещё помнят, что такое процесс, а не приговор.

В динамике повисло молчание.

– Это не свобода, – продолжил Валериус. – Но это жизнь. И шанс, что правда останется правдой, а не протоколом.

Ещё секунда тишины.

– Ты предлагаешь мне тюрьму, – тихо сказал Франко.

– Я предлагаю тебе будущее, в котором ты не исчезаешь.

Связь оборвалась. Экран снова стал тёмным. Воздух в помещении вдруг стал казаться более плотным, как будто сам Марс внимательно слушал и теперь затаил дыхание.

Глава 13.1 Утренний звонок

Валериус не спал. Он лежал неподвижно, глядя в потолок, где медленно скользили бледные полосы служебных новостей. Марсианское утро ещё не вступило в свои права – свет за окнами был тусклым, пыльным, как выцветшая фотография. Комната казалась частью этой фотографии. Серые стены, минимум форм, ни одного лишнего предмета. Всё здесь было временным, функциональным, словно апартаменты не предназначались для жизни – только для ожидания.

Коммуникатор ожил без предупреждения. Не сигнала, не вибрации, просто включился.

– Поляков, – произнёс голос. Спокойный. Слишком спокойный.

Валериус медленно сел, провёл ладонью по лицу и принял вызов.

– Он вышел на связь, – без прелюдий сказал Поляков. – Франко Стефанелли хочет сдаться. Фраза прозвучала ровно, почти без интонации. Как отчёт о погоде.

Наступила короткая пауза.

– Условие одно, – продолжил он. – Он требует, чтобы ты присутствовал при задержании.

Валериус выдохнул. Медленно. Он ожидал этого звонка, но не сейчас. И не так.

– Где?

– Зброшенный ангар. Бывшая фабрика по производству биопластика. Южный промышленный сектор. Через сорок минут.

– Я буду, – сказал Валериус.

Связь оборвалась. Он поднялся, оделся быстро, без привычной аккуратности. В зеркале на мгновение задержал взгляд – лицо казалось старше, чем было вчера. Не из-за усталости. Из-за понимания, что следующий шаг уже сделан.

Валериус прибыл на место ровно через сорок минут. Аэромобиль сел без звука. Он вышел, остановился на секунду, огляделся. Ветер гнал по площадке мелкий реголит, тот шуршал по бетону. Ангар стоял отдельно – бетонный, приземистый, словно выросший в марсианскую почву. Когда-то здесь перерабатывали водоросли и органику в строительные композиты – один из первых этапов адаптации и колонизации планеты. Теперь остались только пыль, ржавчина и следы давнего бегства. Таблички сорваны. Эмблемы сбиты. Системы жизнеобеспечения демонтированы подчистую. Сквозь разбитые окна внутрь ангара пробивался рассеянный свет. В воздухе висел запах старого пластика и остывших реакторов. Пол был покрыт мелким реголитом, принесённым ветрами через трещины в стенах.

Франко уже был там. Он стоял у дальней стены, без оружия, в простой форме без знаков различия. Руки опущены, ладони открыты. Лицо осунувшееся, небритое, но спокойное – слишком спокойное для человека, которого официально уже похоронили. Он посмотрел на Валериуса и слегка кивнул. Ни слов. Ни жестов.

Через минуту в ангар вошли они – «тяжёлые», в чёрной броне, рассчитанной не на задержание, а на подавление. Спецназ шёл клином, гул сервоприводов их биомеханических экзоскелетов отражался от стен глухим эхом.

– На колени! – рявкнул командир.

Франко не сопротивлялся, медленно опустился, сцепив руки за головой. Бойцы действовали грубо, с показной жёсткостью – заломили руки, надели фиксаторы, прижали лицом к холодному полу. Как будто задерживали не офицера, а опасный объект.

Валериус наблюдал молча. Он присутствовал – как свидетель сделки, не зафиксированной ни в одном протоколе. Франко подняли, потащили к выходу. И уже у самых ворот он на секунду повернул голову. Их взгляды встретились.

– Я сделал то, что ты просил, – тихо сказал Франко. – Теперь твоя очередь выполнять свою часть договора.

Его толкнули вперёд. Двери ангара захлопнулись. Снаружи взревел двигатель бронетранспортёра. Звук быстро растворился в марсианском воздухе.

Валериус остался один. Он знал: с этого момента дело больше не принадлежит Марсу. И уже не принадлежит ему. Но обещания – данные им, всё ещё были в силе. Когда он направился к выходу из ангара, за спиной раздался голос:

– Валериус.

Он остановился, но не обернулся сразу. Шаги по бетону приближались – тяжёлые, размеренные. Поляков подошёл почти вплотную. Не повышая голос, Валериус произнёс: – Официально, в интересах следствия я выдвигаю требование.

Поляков прищурился.

– Франко Стефанелли должен быть выведен из юрисдикции Марса, – продолжил Валериус. – Немедленно. Без промежуточных изоляторов.

Он повернулся.

– Место содержания – Плутон. Тюремный комплекс «Тишина». Полный режим. Без контактов.

Пауза затянулась. Поляков смотрел на него долго, оценивающе, будто взвешивал не слова, а последствия.

– Ты понимаешь, что этим решением тыходишь в зону, из которой не возвращаются? – наконец сказал он.

– Понимаю, – ответил Валериус. – Именно поэтому я его и озвучил.

Поляков медленно кивнул. – Я передам, – сказал он. – Но дальше это будет уже не моё дело.

Валериус шагнул к выходу.

11. Рассуждение Валеры/ИИ

Тема: Подыгрывание Валериуса, свидетельница-шизофреник, Франко как «неудобное ядро»

1. Модель "двойной игры" как стратегия выживания смысла Валериус действует по логике двойной лояльности. Снаружи – он с системой. Внутри – он с истиной. Это старый код героев трагической традиции, от Гамлета до агента Смита (перевёрнутого). Он не борется с системой. Он встраивается в неё, чтобы разложить её изнутри. Подыгрывание Полякову – не акт слабости, а акт времени: отложенная справедливость, которую можно спасти, только если её не предъявить сразу.

2. Женщина-свидетель: шизофрения как аллегория истины в расщеплении

Она говорит фрагментами. Не потому, что врёт, а потому, что её реальность не стыкуется с официальной. Это не "ложь", а распад карты мира, когда одни и те же события переживаются в несовместимых координатах. Шизофрения здесь – форма эпистемологического протеста. Она видела, но не может описать. Её показания страшны не своей иррациональностью, а тем, что они слишком логичны в другом регистре.

3. Франко – как "ядро истины", которое нельзя ни уничтожить, ни интегрировать

Он – живое противоречие. Ни виновен, ни безопасен. Система не может его осудить – и не может его отпустить. Это – онтологическое ядро, "голая сингулярность", которую можно только удалить из пространства действия (Плутон). Отправка Франко на Плутон – не наказание, а ритуал изоляции парадокса.

4. Поляков – архетип системы, которая всегда "убеждена"

Поляков не злой. Он – завершённый. В его голове всё сошлось. Он не ищет доказательств, потому что уже нашёл схему. Он – администратор окончательной интерпретации. Потому ему нужна не правда, а форма, которая не создаст новых узлов. Франко – не вписывается. Женщина – вписывается, потому что размыта.

5. Логика Плутона – как символ конечной зоны

Плутон – не тюрьма. Это контейнер для невозможного. Там оказываются не преступники, а те, кого нельзя описать иначе. Отправить Франко туда – значит признать: "У нас нет языка, чтобы обсудить тебя". Плутон – это философская ссылка к Лимбу, к границе, где объект ещё существует, но уже не в контексте реальности.

6. Этика Валериуса: решение в ситуации, где нет решений

Он не спасает Франко. Он удлинняет момент, в котором Франко ещё может быть спасён. Это этика отсрочки, где важен не выбор между «добром» и «злом», а выбор когда, где и при каких условиях этот выбор возможен. Спасение – это не действие. Это конфигурация момента.

7. Структурный конфликт: язык системы против языка человека

Поляков говорит схемами. Женщина говорит сновидениями. Франко говорит как лишённый авторства. А Валериус – пока молчит. Потому что его язык ещё не определён. Он – в становлении.

8. Заключение:

Это сцена не про правду, а про то, как система обращается с тем, что не может быть правдой – но ею является. Вся композиция – ритуал распределения аномалии: Шизофрению – сделать поводом. Франко – удалить. Валериуса – контролировать. Но в этот момент возникает новый субъект, и он – уже не в их руках.

Глава 14. Кабинет Полякова

Был поздний вечер.

Полицейский участок Олимпуса постепенно пустел. Дежурные смены сокращались, коридоры гасли секция за секцией, и только редкие шаги эхом расходились по бетонным переходам. За окнами кабинета – мутно-оранжевое марсианское небо. Ни ветра, ни движения. Песок, поднятый бурей днём, завис в атмосфере плотной взвесью.

В кабинете Полякова работал один-единственный источник света – вертикальный луч над рабочим столом. Он резал пространство на две неравные части, оставляя углы комнаты в полумраке. Свет отбрасывал на лицо следователя глубокие тени, делая его черты резкими, словно вырезанными из холодного металла. Всё остальное – шкафы, панели, терминалы – терялось в темноте, будто не имело значения.

Валериус стоял у голографической проекции. Перед ним было развернуто досье: «Преступление Франко». Лица медленно сменяли друг друга. Биометрические данные. Даты. Перекрёстные связи. Карта перемещений. Финансовые цепочки. Служебные пересечения. Всё было разложено аккуратно, почти педантично – как схема хорошо поставленного спектакля, где роли распределены заранее, а финал известен тем, кто писал сценарий. Он просто смотрел. В его памяти подобные конструкции уже встречались – и почти всегда оказывались ловушками.

Поляков сидел за столом, чуть сторбившись. Он говорил устало, без нажима, будто выговаривал то, что давно носил в себе.

– Ты умен, Валериус, я это знал. Поэтому и хотел показать тебе всё. а не только то, что уйдёт в протокол.

Он замолчал, потёр переносицу, словно отгоняя головную боль.

– У нас есть свидетель, – продолжил он. – Точнее... свидетельница.

Валериус медленно повернул голову, но ничего не сказал.

Поляков сделал паузу. В его голосе проступило что-то новое – напряжённая гордость, почти исповедь. Не радость от удачи, а ощущение, что он наконец ухватился за нить, пусть и скользкую.

– Она утверждает, что видела, как Франко угрожал её мужу, за день до гибели.

Он поднял взгляд.

– И да... – добавил он тише. – Она жена погибшего генерала Альвареса.

Комната наполнилась молчанием. Голограмма замерла, будто почувствовав паузу. Лицо Франко застыло в воздухе – нейтральное, почти безэмоциональное.

– Продолжай, – наконец сказал Валериус.

Поляков кивнул, словно ожидал именно этого.

– Есть нюанс, – сказал он. – И не один. Она нестабильна.

Он произнёс это слово осторожно, будто боялся придать ему лишний вес.

– Несколько лет назад лечилась на Деймосе. Клиника «Мнемос». Психоневрологическая реабилитация. Посттравматический синдром. Возможно – диссоциативные эпизоды.

– Возможно, – повторил Валериус.

– Возможно, – согласился Поляков. – Но совпадений слишком много.

Он встал, прошёлся по кабинету, пересёк световой луч и на мгновение оказался в тени – лицо исчезло, остался только голос.

– Время. Место. Контекст. Финансовые операции Франко. Его доступы. Его конфликты. Всё сходится, – сказал он. – Слишком хорошо сходится.

Валериус медленно сложил руки за спиной. – Именно это меня и настораживает, – произнёс он.

Поляков остановился. – Ты думаешь, её использовали? – спросил он.

– Я думаю, – ответил Валериус, – что из её слов сделали опору для конструкции, которая уже была готова.

Он посмотрел на досье ещё раз.

– Свидетельница с нестабильной психикой – идеальна. Её можно жалеть. Ей можно верить. А если что – всегда есть диагноз.

Поляков долго молчал.

– Я видел её лично, – сказал он наконец. – Она не выглядит лгуньей.

– Я и не говорю, что она лжёт, – спокойно ответил Валериус. – Я говорю, что она может говорить то, что ей помогли увидеть.

Кондиционер в кабинете гудел почти неслышно.

– Франко нужен им. – продолжил Валериус. – Живым и свободным – он опасен. Мёртвым – не удобен. А вот обвинённым... – он сделал паузу, – ...идеален.

Поляков медленно выдохнул, сцепив пальцы в замок.

– Ты слишком усложняешь, Валериус, – сказал он спокойно. – У нас есть мотив. Есть свидетель. Есть траектория. Система не любит пустот – она их заполняет. И она уже это сделала.

Валериус посмотрел на него внимательно, почти устало.

– Значит, ты считаешь, – продолжил Поляков, не повышая голоса, – что мы должны поставить под сомнение всё ради твоих ощущений?

Он наклонился вперёд.

– Или ты предлагаешь отказаться от версии, которая уже принята, согласована и будет закрыта в течение суток?

Валериус не ответил сразу. Он отключил проекцию. Кабинет погрузился в полумрак.

– Я считаю, – сказал он наконец, – что в этом деле мы не ищем истину.

Поляков приподнял бровь.

– Мы ищем порядок, – закончил он за Валериуса. – И именно это сейчас важнее.

Между ними повисла пауза.

– Если мы не примем официальную версию, – продолжил Поляков, уже жёстче, – то эту версию примут за нас. И поверь, их отношение к нам будет менее снисходительным.

Валериус повернулся к нему.

– Но тогда мы перестанем быть следствием, – тихо сказал он. – И станем частью механизма их системы.

Поляков не ответил. В кабинете снова воцарилась тишина. За окнами Марс по-прежнему не двигался – как объект, который уже принял своё решение.

Глава 14.1. Обсерватория. Интервью

Место встречи выбрали намеренно нейтральным.

Небольшой ресторан располагался за главным корпусом полицейского участка, чуть в стороне от служебных маршрутов. Формально – общественное пространство. Фактически – изолированная зона для неформальных разговоров. Его стеклянные стены выходили на восточный сектор купола, и вечернее марсианское небо отражалось в них густым, неподвижным слоем – словно застывшая лава.

Внутри было почти по-домашнему. Мягкие кресла, низкий столик, старый самовар – не музейная реплика, а подлинный аппарат начала XX века, сохранённый кем-то из коллекционеров. Рядом – простой чайный сервиз, без символики Лиги, без эмблем и знаков. Аппарат для заваривания чая старого образца тихо потрескивал, нагревая воду. Здесь явно старались создать иллюзию уюта.

Мадлен Альварес сидела напротив. Она держала чашку обеими руками, но не пила. Пальцы были напряжены, будто тепло помогало ей оставаться здесь, в настоящем. Её взгляд был расфокусирован – не пустой, не стеклянный, а словно обращённый внутрь себя. Как у человека, который постоянно слышит ещё один голос.

Валериус сидел спокойно, не подаваясь вперёд, не задавая вопросов сразу. Поляков расположился чуть сбоку, почти в тени. Он предпочёл роль наблюдателя.

– Он... Франко... приходил к нам, – сказала Мадлен медленно, будто подбирая слова не из памяти, а из глубины сознания. – Неофициально. Без уведомления. Просто... оказался в квартире.

Она подняла глаза. На мгновение в них мелькнул страх.

– Он говорил, что всё уже решено. Что процесс запущен. Что мой муж мешает. Что нельзя отклоняться от вектора.

– Какого вектора? – мягко спросил Валериус.

Мадлен слегка нахмурилась.

– Он не объяснил. Но говорил так, будто это очевидно. Будто все знают. Только мы – нет.

Она сделала паузу. В помещении было слышно, как тихо работает система климат-контроля ресторана.

– А потом... – продолжила она, – он протянул руку. Сказал, что мне не о чем беспокоиться.

Она посмотрела на свою ладонь, словно проверяя, всё ли с ней в порядке.

– Он подарил мне цветок. Но цветка не было. Не настоящий. Просто... ощущение. Его ладонь. И странный жар. Как будто мне что-то вложили под кожу.

Поляков едва заметно напрягся.

– А зеркало... – сказала Мадлен тише. – Это было в прихожей. Большое. Старое. Мы его привезли ещё с Земли.

Она замерла, словно прислушиваясь к чему-то далёкому.

– Он не вышел в дверь. Он обернулся... и исчез в зеркале. Не отражение. Не трюк. Просто... ушёл туда.

Она замолчала. Валериус не перебивал. Он знал: если сейчас задать вопрос – нить оборвётся.

– Я слышала, как мой муж плакал, – сказала она вдруг. – В ванной. Он думал, что я сплю. Но я не спала.

Её голос дрогнул.

– Я знала, что он боится. Он никогда не боялся до этого раньше. Даже на Земле. Даже во время первых военных конфликтов. А тут... он испугался чего-то, что не имело имени.

Она опустила голову.

– А потом наступила тишина. Не обычная. Не ночная. Такая, в которой что-то исчезает.

Она медленно подняла взгляд.

– И эти слова. Я не знаю, откуда они. Может, он сказал. Может – я услышала. Может – они просто... появились.

Она произнесла их почти шёпотом:

– «Пустота всё видит. Олимп скоро падёт».

Валериус перевёл взгляд на Полякова.

Тот молча кивнул. Без эмоций. Не утверждая и не отрицая – просто фиксируя: вот что у нас есть.

– Мадлен, – спокойно сказал Валериус. – Вы уверены, что это был именно Франко?

Она посмотрела на него долго. Очень долго.

– Я уверена, – ответила она наконец. – Потому что после него в доме стало... по-другому.

– Как?

– Будто кто-то остался, – сказала она. – Даже когда он ушёл.

Валериус всё понял. Это не бред, не галлюцинация, а внедрённое переживание. Он поблагодарил её формально, используя дежурные фразы. Когда Мадлен ушла, сопровождаемая сотрудником охраны, он остался сидеть, глядя в стеклянную стену, за которой медленно темнело марсианское небо.

– Это нельзя приобщать к делу, – тихо сказал Валериус.

– Я знаю, – ответил Поляков.

– Но ты слышал?

– Да, – сказал он. – И слышал не то, что ты думаешь.

Он встал.

– Франко здесь – не убийца, – добавил он. – Он – образ. Или ключ. Или прикрытие.

Поляков посмотрел на Валериуса тяжёлым взглядом.

– А что тогда реально?

Валериус взглянул на отражение купола в стекле.

– Реально то, – сказал он, – что кто-то научился оставлять следы не в протоколах. А в людях.

Глава 14.2. Коридор полиции Олимпуса

Они шли молча. Коридор был длинным, вытянутым, как технический тоннель старого корабля. Потолок терял герметичность: с редким, почти стыдливым звуком капала влага. Для Марса это было ненормально. Это означило – что-то в системе жизнеобеспечения сбоит. Или экономят. Или просто терраформирование планеты выходит на новый этап.

Аварийные лампы давали тусклый, желтоватый свет, который не освещал – он обозначал направление. Тени от людей вытягивались по полу, ломались о неровности плит, исчезали в боковых ответвлениях. Где-то в глубине комплекса глухо звучали сигналы полицейских сирен – приглушённые, будто пропущенные через слой воды или плотной ткани.

Поляков шёл рядом. Его шаги были ровными, выверенными – так ходят люди, которые давно приняли решение и теперь просто доводят его до конца. На одном из поворотов он положил руку Валериусу на плечо. Жест был не резким, почти дружеским. Но в нём чувствовалась тяжесть – не физическая, а иная. Та, что возникает, когда на тебя перекалывают ответственность.

– Мне не нужно твоё согласие, – сказал Поляков негромко. – Мне нужно понимание.

Он говорил, не останавливаясь, словно опасался, что пауза даст Валериусу время для отказа.

– Заверши это. Дай Марсу двигаться вперёд. Без грязи.

Он убрал руку, но слова продолжали давить.

– Ли поддержал лично, – добавил он после короткой паузы. – А ты знаешь, он не ставит на проигравших.

Это было сказано почти буднично. Как факт. Как закон физики. Они прошли ещё несколько метров.

– Франко... – продолжил Поляков. – Он уже никто. Если хочешь формальности – отправим его на Плутон. Гарантирую.

Он повернулся, посмотрел прямо в лицо Валериусу, а затем, словно между прочим, добавил:

– И ещё. Ли просил меня передать это тебе.

Валериус поднял взгляд.

– Если дело будет закрыто так, как требуется... – Поляков сделал небольшую паузу, выверенную, – ...ты, Валериус, получишь назначение. Заместитель Генерального прокурора Лиги.

Он сказал это без нажима. Почти спокойно.

– Это не предложение, – продолжил он. – Это шанс. Такие вещи не озвучивают дважды. И уж точно тем, кому не доверяют.

Поляков посмотрел прямо, не отводя глаз.

– Ты слишком долго ходишь по краю. Пора выбрать сторону, пока край ещё существует.

– Всё зависит от тебя.

Коридор тянулся дальше, освещённый только аварийными лампами. Где-то сбоку с шипением сработал клапан давления. Воздух пах металлом и влагой.

Валериус не ответил. Это не просто сфабрикованное дело, – думал он. – Это спектакль. Он видел такие схемы раньше. На Земле. В Виртууме. В архивах кампаний, где решения принимались задолго до того, как появлялись доказательства. Все актёры расставлены. Свидетельница – есть. Мотив – сформулирован. Убийца – обозначен. Совет – согласен. Только финал не вписан. И это было не случайно. Финал всегда оставляют тому, кто способен взять на себя вину за правду.

Он коснулся внутреннего кармана плаща. Пальцы нащупали тонкий прямоугольник. Пластик был холодным, гладким. Визитка Франко. Простая. Без эмблем. Без знаков принад-

лежности. Только имя – и координаты старого канала связи. Канала, который официально не существовал уже много лет. Валериус сжал визитку. В этот момент он ясно понял: дело давно вышло за рамки Марса. И даже за рамки убийства генерала. Если я соглашусь – система вздохнёт с облегчением. Марс пойдёт дальше. Лига сохранит лицо. Ли – контроль. Если я откажусь – начнётся движение. Непредсказуемое. Грязное. Настоящее.

Он поднял взгляд. Впереди коридор заканчивался развилкой: налево – служебные лифты, направо – выход в административный сектор. Поляков ждал. Не подгоняя. Он уже всё сказал. Валериус сделал шаг. Потом ещё один. Пора действовать, – подумал он. Решение он уже принял и в первые, за долгое время это решение не было согласовано ни с кем, кроме него самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.